

TOMMY TORM

*Volume 1
Number 1*



Annotation

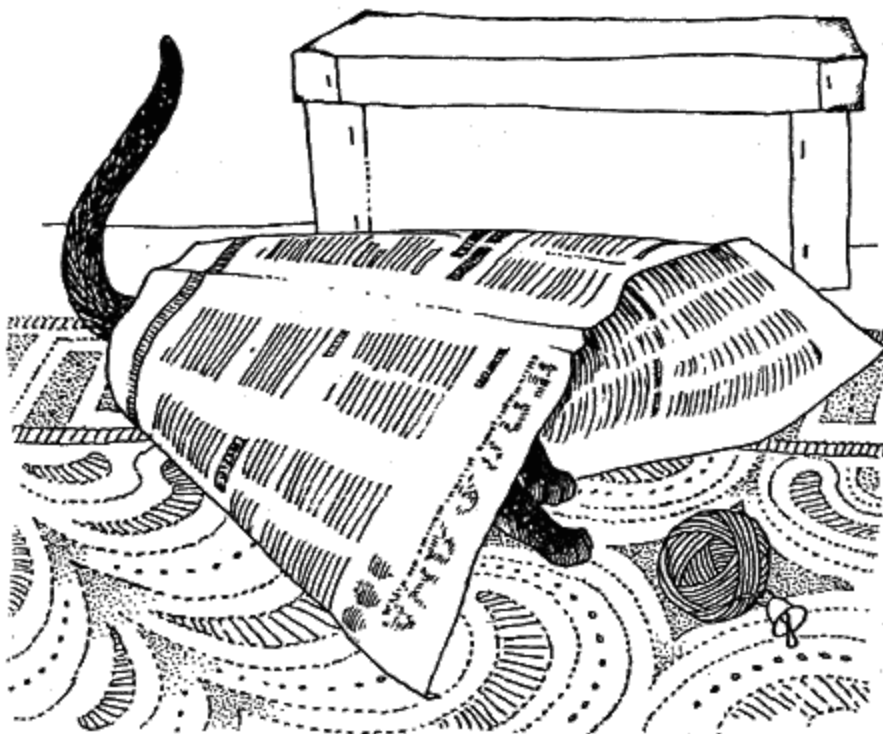
В этой книге читатель продолжит знакомство с любимыми героями предыдущей книги английской писательницы Дорин Тови — сиамскими кошками («Кошки в доме»). Мягкий юмор, эмоциональное повествование заинтересуют не только владельцев домашних животных, но и всех любителей природы.

- [Doreen Tovey](#)
 -
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 -

- [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
 -
 - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Doreen Tovey

DOUBLE TROUBLE



Иллюстрации О.Келейниковой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ



Время проходит даже в такой деревенской глуши, как наша. Шеба, наша сиамоchка блюпойнт, была теперь чинной старушкой шестнадцати лет. Соломон Секундус, обычно именуемый Сили, которого мы приобрели ей в утешение — и нам тоже — после смерти нашего первого великого Соломона, вырос в полуторагодовалого силпойнта. Аннабели, нашей ослице, исполнилось девять.

Хотя вы бы ей никогда столько не дали — ни по виду, ни по поведению. Я начинаю эту книгу, а большой палец у меня уже как будто никогда прежним не станет, спасибо шуточке Аннабели.

Как-то утром в понедельник Чарльз решил дать ей попасть на лесной тропе у нашего коттеджа, так как по понедельникам школа верховой езды выходная и можно не опасаться, что Аннабель остановит лошадей,

натянув веревку, которой привязана, поперек тропы — ее любимая забава. Но только в это утро двое решили совершить верховую прогулку. Первого всадника, нам незнакомого, Аннабель пропустила без помех. Когда я поглядела на нее через калитку, она невинно щипала траву на той стороне, где была привязана, трудолюбиво вытягивая шею, аккуратно отодвинув маленький круп и даже не взглянув на лошадь у себя за спиной.

Однако затем появилась всадница, причем хорошо нам знакомая юная девица, восседавшая на лошади, точно Елизавета Первая во главе парадной процессии, всем своим видом ставя нас, жалкую деревенщину, на место. Так вот, когда появилась она, Аннабель словно бы случайно щипала траву у другой живой изгороди, и ее веревка была туго натянута поперек тропы.

— В этом она вся! — сказала я, когда Чарльз примчался из плодового сада, говоря, что Аннабель задерживает эту Робарт, так не пойду ли я помочь с ней справиться. Вот почему, холодея при мысли, как мы будем выглядеть, пытаюсь сдвинуть с места эту маленькую такую-разэдакую, пока вторая смотрит на нас со своей лошади, я выбежала за калитку, не захватив уздечки Аннабели (а без уздечки ее сдвинуть с места не легче, чем гору, которая не пошла к Магомету), отвязала конец веревки и стала дергать.

Спектакль разыгрался незамедлительно. Аннабель встала на дыбы что твой мустанг, я свалилась в грязь, встала, потеряв туфлю, а Аннабель провальсировала задом вперед и наступила на мою бедную беззащитную ступню.

— С тобой все в порядке? — осведомился Чарльз. (Не сомневаюсь, он задал бы этот вопрос, если бы я проваливалась в кратер Везувия.)

Ручаться за себя я не могла и промолчала, а потом прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Хватай ее за ошейник! Хватай за ошейник, не то она опять начнет!

Я запихнула ногу в полную грязи туфлю, стараясь не хромать, железной хваткой вцепилась в ошейник Аннабели с одной стороны, Чарльз ухватился за него с другой, и мы повели ее на пастбище. У его калитки на дороге какая-то особая грязь, и обходить ее следует только гуськом — я впереди, за мной Аннабель, а Чарльз с небрежным видом замыкает шествие. И тут, не сумев удержать равновесие на склоне, Чарльз выпустил ошейник, Аннабель вскинула задом и помчалась назад по дороге, а я — как всегда, жертва этой парочки — оказалась в роли тележки.

Ошейник я, естественно, тоже выпустила, но ее веревка была намотана на мой большой палец, сдернуть ее я не сумела, и хоть бежала во всю прыть, настал момент, когда Аннабель побежала быстрее меня. И если бы я не споткнулась и не плюхнулась на дорогу, превратившись в подобие тормоза, наша миленькая маленькая ослица втащила бы меня на склон, точно воздушного змея на нитке.

— С тобой все в порядке? — осведомился Чарльз, пробегая мимо меня за причиной всех этих бед. Я предоставила ему отвести Аннабель на пастбище. Я предоставила ему выслушать небрежное «благодарю вас» из уст невозмутимой мисс Робарт. (Невозмутимость невозмутимостью, но Чарльз сказал, что даже у нее, когда она проезжала мимо, вид был слегка оглушенный.) Я же со всем достоинством, на какое меня хватило, заковыляла к коттеджу, чтобы заняться моим истерзанным большим пальцем, который вытянулся на два фута — во всяком случае, такое у меня было ощущение. Зачем, пришла мне в голову мысль, зачем мы держим ослицу, когда у нас есть две сиамские кошки?

Все, конечно, зависит от обстоятельств. Бывают моменты, когда я недоумеваю, зачем мы держим сиамских кошек. Но тут Сили — к счастью, в заточении, так что хотя бы можно было не ломать головы, где искать его в лесу, — тут Сили, сидя на столе, прищурился на меня с таким сочувствием, что не оставалось сомнений — он мой единственный друг во всем мире, и уж он-то знает, как мне больно!

Да, бесспорно. Лишь несколько недель назад Аннабель и ему попортила лапы. Галопируя по лужайке, чтобы пофорсить перед прохожими, она наступила в лунку для мини-гольфа, а так как весит она, галопируя, добрых полтонны, то и загнула край металлической чаши в лунке. Все это мы сообразили как-то утром, с ужасом обнаружив, что у Сили под парой когтей подушечки почти срезаны. Мы чуть было не вызвали детективов, но вовремя вспомнили, как он любит, лежа на животе, выуживать мяч из лунки. Чарльз пошел посмотреть и обнаружил следы галопа, ведущие прямо через лунку, и загнутый, острый, как бритва, край.

Господи, да какая же это должна быть боль, сказала я, осматривая злополучные ободранные подушечки. Теперь они подживали — прошло дня два, после того как он покалечился. Но все равно выглядели они совершенно багровыми. Как Соломон, который был единственным котом в наших местах с раздвоенным языком — он его прокусил, когда завывал, вызывая на бой другого кота, — Сили теперь станет единственным котом в наших местах со стесанными подушечками.

Он и тогда прищурил на меня глаза. Даже и не заметил, сказал он.

У всех сиамов есть свои отличительные привычки, и, хотя Сили походил на Соломона не только внешне, но словно позаимствовал и многие его привычки, эта манера многозначительно жмуриться принадлежала ему одному. Она выражала мудрость, полную

невинность, извинение, привязанность — то, что. ему требовалось в данный момент. Зажмуренные глаза, когда я нянчила мой большой палец, означали сочувствие. Зажмуренные глаза, когда я грозно спрашивала, кто оставил отпечатки лап на холодильнике, означали, что он понятия не имеет. Должно быть, Шеба. Хотя Шеба была уже слишком слаба, чтобы прыгать на холодильники, и в окрестностях был только один кот, оставлявший следы поперечником в два дюйма. Зажмуренные глаза, когда с ним заговаривали гости, означали, что он очень рад познакомиться, и, учитывая, что вид у него в такие минуты становился еще более восточным, гарантировал комплименты его незаурядной внешности.

А она таки была незаурядна. Маска, самая темная, какая только может быть у силпойнта, раскосые глаза ярчайшей голубизны. Массивность, широкоплечесть — одним словом, монарх среди котов. Только (и порой это производило совсем уж неотразимый эффект) он-то считал себя котенком.

Например, по-прежнему не умел открывать дверь в прихожую и ждал, чтобы ее ему открыла Шеба. И хотя в дни его детства было умилительно смотреть, как она привычно толкает дверь, а за ней семенит толстенький котенок, теперь по меньшей мере казалось странным, когда она проделывала это в свои дряхлые шестнадцать лет, а затем через нее в открывающуюся щель прыгал истинный юный Геркулес сиамского племени.

И он все еще пользовался своим детским голоском. Правда, он мог реветь, как дикий бык, когда считал нужным — например, если мы не выпускали его наружу или к ужину подавалась рыба, и он сообщал, что терпеть ее не может. Но обычно он изъяснялся нежными «уоу» или «мррр-мрр», и не дрался, и не прыскал даже... Конечно, кастрирован он был на

седьмом месяце и, конечно, в доме прыскать ни в коем случае не стал бы, но под открытым небом наш первый Соломон был просто чемпионом по прысканью. Он прыскал, помечая свою территорию. Он прыскал, просто чтобы показать, какой он мастер. «Ну, прямо водяной пистолетик», — как-то с восхищением сказал наш сосед старик Адамс. Естественно, когда опрыскиванию подвергся столб калитки мисс Уэллингтон, а не его собственный.

За Сили ничего подобного не водилось. Мы объясняли это присутствием Шебы. Она так стара, думали мы, а потому Сили, наверное, ощущает себя рядом с ней котенком. Шеба же, будучи Шебой, конечно, так с ним и обращалась. Приказывала, чтобы он сидел смирно. Не Шумел — она хочет отдохнуть. Действительно, она могла усмирить его одним взглядом.

Порой нам казалось, что он понапрасну теряет дни золотой юности... В его возрасте Шеба и Соломон мелькали по всему дому как светлячки. Но мы не могли обеспечить ему общество ровесника, пока наша верная старушка оставалась с нами. Сиамские кошки непредсказуемы. Оказавшись оттесненной на второй план, она могла решить, что никому не нужна, и умереть.

И эту последнюю зиму мы по-прежнему окружали ее всяческим вниманием. Выпускали, когда бы она ни потребовала, а это очень поддерживало в ней сознание собственной важности. Старость не старость, а ей все так же нравилось показывать Сили, кто тут главный. Поздно вечером после прогулки с Чарльзом по саду и краткого выхода за калитку она возвращалась освеженная, садилась, мурлыча у огня, и бросала на изнывающего Сили взгляд старшей сестры. Он еще ребенок. Только ей можно гулять после темноты.

Право первенства оставалось за ней, и когда подходило время пить молоко. Точно в десять часов вечера она взбиралась ко мне на колени, похлопывала меня по щеке мягкой, но требовательной лапкой и, обеспечив себе мое внимание, смотрела на меня взглядом, говорившим: молоко, в кухне, сейчас же. При этом она не выпускала ни звука, иначе, как мы обе знали, Сили тут же громогласно потребовал бы: И Мне Сию же Минуту! Безмолвно я уходила на кухню. Безмолвно Шеба сопровождала меня. Садилась на табурет, вылизывала два блюдечка сливок, снятых с верха бутылки, и только тогда Сили, который к этому моменту уже вопил во весь голос, потому что мы Исчезли, а Он Знает, чем мы Занимаемся, только тогда ему чуть ли не в слезах дозволялось присоединиться к ней за третьим.

Вот так мы показывали ей, что она нам нужна. И Сили, когда дело не касалось еды, тоже показывал, как она нужна ему. Вернувшись с прогулки, тут же ее разыскивал... «Мрр-мрр-мррр» — где же она? Он же столько времени ее не видел! А Шеба в хорошие дни ободряюще мурлыкала ему в ответ. Он умывал ее, когда испытывал потребность сделать что-то хорошее — хотя, как умывание, это многого не стоило, ибо Сили, подобно Соломону до него, не слишком обожал это занятие. Лизнет разок-другой у нее за ушами, прогуляется по затылку, чуть не придавив ее к полу... «А ведь хороша, правда?» — вопрошал он, усаживаясь рядом с ней с гордым видом художника, рисующего на тротуаре. А Шеба, довольная таким вниманием, жмурилась и мурлыкала.

По ночам он спал с ней, днем часами просиживал с ней у огня или на кушетке — потому что любил ее, а к тому же, надо признаться, потому что ему нравилась грелка, которая теперь была неизменной принадлежностью ее постели, о чем рассказ особый,

поскольку до сих пор мы пользовались алюминиевыми грелками, которые нельзя разбить вдребезги, как керамические, или продырявить когтями, как резиновые.

Однако и им не идет на пользу, если их роняют. Из года в год наши нервы не выдерживали, когда кошки прыгали нам на спину, пока мы наливали грелки, или внезапно затевали наверху что-то вроде Великой французской революции, если судить по шуму, и мы губили грелку за грелкой. И как-то вечером, когда в одно ухо мне орал Сили, требуя ужина, а из кастрюли с его крольчатинной мне в другое ударила струя пара, я уронила последнюю металлическую грелку в последний же сокрушающий раз. Вот так! А когда я хотела купить замену, мне сказали, что таких грелок больше не выпускают — большинство людей пользуются электрическими одеялами.

Большинству-то людей почему бы ими и не пользоваться, но не кошкам с сиамскими когтями. Мы не хотели, чтобы ночью их убило электрическим током, пусть и по их собственной инициативе. Довольно долго я рыскала в поисках лавочки, где под прилавком отыскалась бы старомодная алюминиевая грелка, но без толку. И в конце концов я приобрела резиновую.

Шеба не станет запускать в нее когти, заверила я Чарльза, отнесшегося к моей покупке с сомнением. Она для этого уже слишком стара. А если мы прикроем грелку вдвое сложенным пледом, то и Сили вряд ли ее продырявит. Ну а если такое и произойдет, они оба тут же с нее спрыгнут. Ни одна нормальная кошка не станет сидеть на текущей грелке.

С этими словами я ее налила и положила внутрь их постели перед камином, в которой они спали по ночам. Сили опасно приблизился к ней и заявил, что вообще сидеть на ней не станет.

Она пахнет, сказал он, и понюхал, подозрительно вытянув шею. Она Неустойчивая, подытожил он, встав на нее передними лапами, и демонстративно задрожал всем телом. Она Опасна, вынес он окончательный приговор и, будучи Сили Бесстрашным, сорвал плед, чтобы рассмотреть грелку получше. Предположительно на случай, если она перейдет в нападение.

Словно в доме появился маниакальный миноискатель. Только я накрою грелку пледом, как Сили, воинственно распушив усы, снова ее обнажает. В конце концов мы с Чарльзом подумали, что он сдастся, если оставить его в темноте, и легли спать.

Как мы могли допустить такую промашку! Сили уж если заберет себе что-нибудь в голову, ни за что не отступит. Ночью он опять занялся демонтажом, и на этот раз, чтобы никто не мог сесть на нее по неведению, он оттащил плед и разбросал по всей комнате свитера, из которых складывается их постель, и оставил грелку лежать в унылом одиночестве на каминном коврике.

Вот какую картину мы увидели утром. И увидели Шебу, печально съезжившуюся в пустом камине — всю ночь глаз сомкнуть не могла, жаловалась она. А Сили по-прежнему бдительно восседал на столе. Эта штука не взорвалась исключительно благодаря ему, сказал он.



ГЛАВА ВТОРАЯ



Прошло порядочно времени, прежде чем он начал доверять этой грелке. И, чтобы Шеба могла спокойно спать на ней, мы ночь за ночью брали его к себе в постель. Раскинувшись под одеялом во всю длину, крепко зажмурив глаза от полного блаженства, он вряд ли тревожился за безопасность своей подружки. В голове у него явно было место лишь для одной мысли — ах, если бы это длилось Вечно!

Но в конце концов он свыкся с грелкой и вновь свертывался на ней по ночам, а днем важно восседал на ней рядом с Шебой. Он был необыкновенно привязан к нашей старушке, в чем я особенно убедилась во время происшествий с его вольерой. Той, которую мы временно построили на лужайке летом, после того как его укусила гадюка. Он провел в ней с Шебой много

утренних часов без риска прыгнуть на какую-нибудь извивающуюся тварь, и мы могли спокойно заниматься своей работой.

Собственно, это вошло в его распорядок дня. Прогулка по лесной тропе, пока солнце еще не поднялось, короткий визит на пастбище Аннабели понюхать, не появилось ли там чего-нибудь интересного, вылазка в лес, возможно, чтобы заглянуть в одну-две норки... Тут я его звала, потому что становилось жарче и гадюки могли выползти погреться на солнце, и он являлся завтракать — по какой-то неведомой сиамской причине непременно в вольере. К концу утра он уже завывал на всю Долину на тему, Как Долго он Тут Сидит, Забыли мы о нем, что ли, выпустите его Немедленно, у него уже судороги начались... А когда мы его выпускали, он демонстративно потягивался, словно все это время просидел в спичечном коробке, а не в вольере площадью с небольшую комнату. Но вот для летних завтраков это было самое «то».

Чарльз решил, что за этим кроется какое-то табу. Наверное, Сили верит, будто у него выпадут усы, если он будет завтракать где-то еще. Я же полагала, что подсознательно он возвращался к тем дням, когда его предки обитали в диких джунглях. Во всяком случае, в вольере он допускал странности, каких в доме за ним не замечалось. Например, съев завтрак, он непременно маскировал свою миску мхом, листьями и землей, нагребая их когтями. Если он съедал не все, то остатки маскировал точно таким же способом. Как-то раз, получив там как особое лакомство кусок курицы, он так лихорадочно его засыпал, даже не попробовав, что я забеспокоилась, уж не заболел ли он. Однако, по-видимому, в вольерах просто не принято есть куриное мясо. Некоторое время спустя голод возобладал над правилами этикета, и он, смахнув мох и листья,

накинулся на курицу и ни кусочка не оставил, будто полмесяца не ел.

Наследственная память о том, что следует делать с добычей? И тот факт, что в вольере спать он всегда забирался под плед, тоже свидетельствовал о дальнейшем инстинктивном возвращении к предкам? В доме, в оранжерее, в машине Сили спал, доверчиво раскинувшись, так что все могли его видеть. Однако в вольере, когда Шеба спала нормально на пледе, только бугор под пледом свидетельствовал, что Сили тоже там. И забирался он под плед не от ветра — бугор возникал в любую жару.

Конечно, так было только летом. Зимой гадюки ему не угрожали, и потому он уходил и приходил, как ему вздумается, а Шеба спала у огня. Но теперь наступил апрель, а с ним снова гадючья пора, но у Чарльза все еще руки не доходили до постоянной вольеры (Рим не один день строился, не уставал напоминать он мне), и вот в одно погожее воскресное утро, когда было бы жестоко держать его в доме, Сили вместе с пледом отправился в свое временное прибежище.

Шебу я оставила в оранжерее, подумав, что проводить время под открытым небом ей пока еще не следует. Моя ошибка! Будь Шеба в вольере с Сили, он с удовольствием провел бы там с ней все утро, но в одиночестве, решив, что упускает что-то интересное, он приложил все усилия, чтобы вырваться на волю. Прошлым летом он умудрялся находить лазейки у всех четырех углов по очереди — потому-то мы и решили соорудить более надежную постоянную вольеру. Но человек предполагает, а Бог располагает, как всегда повторяет Чарльз. А так как Чарльз отправился привезти тетушку Этель на обед и надзирать за котом не мог, то Сили и отправился во временную вольеру, пока я возилась на кухне.

Сказать, что он протестовал, значит ничего не сказать. Никаких нежных «уоу» и «мрр-мрр». Старик Адамс, возвращавшийся вниз по склону после воскресной утренней пинты, сообщил, что его слышно даже в «Розе и короне».

— Он в вольере в первый раз в этом году! — завопила я, перекрикивая разбушевавшегося Сили. — Попривыкнет, и все наладится.

И действительно, вскоре наступила тишина. Спит под пледом, решила я и не вышла посмотреть, не сомневаясь, что увижу символический бугор, а вот мое появление могло его вновь взбудоражить. И потому, когда я все-таки вышла, то увидела пустую вольеру... и ход под сеткой, который он прокопал, точно собака. И я даже не знала, сколько времени прошло.

Но вот о том, чем он занимается сейчас, у меня было десятка два догадок. Как раз сейчас прицеливается прыгнуть на гадюку в плодовом саду... и как раз сейчас за ним гонится по дороге пес какого-нибудь любителя утренних воскресных прогулок... если он не выбрался на шоссе под колеса мчащихся автомобилей или же (расстояние определяется тем, как давно он устроил подкоп) во столько-то милях отсюда бежит через луга к морскому побережью и Сиаму.

На самом же деле он просто был по ту сторону лужайки. Где, возможно, находился все то время, пока я, сразу же впав в панику, реактивным самолетом носилась вверх по дороге, вниз по дороге и выпускала отчаянные вопли «сиилииуиллии-уиллии» у ворот лесной тропы, а с деревьев, треща крыльями, испуганно взлетали голуби. Мне даже в голову не пришло, что он совсем рядом.

Сам он, разумеется, не поставил меня в известность об этом, наслаждаясь на манер всех сиамов зрелищем того, как люди мечутся в отчаянии, разыскивая их — а они-то близко-близко! И только когда я, задыхаясь,

бежала от задней калитки к лужайке, мой взгляд случайно упал на дверь оранжереи, где он сидел, точно в раме, — эдакая Мона Лиза! — и, широко открыв глаза, смотрел на меня невинным взглядом, хорошо известным всем владельцам сиамских кошек.

Где-то пожар? И кого это я звала? Неужели я не поняла, куда он пошел? Ему просто хотелось побыть с Шебой. Вот что выражал этот взгляд.

После этого мы махнули рукой на постоянную вольеру. Шебе было уютнее в оранжерее, а раз Сили так искал ее общества, достаточно было сделать дверь из проволочной сетки и такие же ставни на окнах, чтобы их можно было открывать в жаркую погоду. И там под сводом виноградных листьев, будто в джунглях, оба они прекрасно себя чувствовали и в самый знойный день.

А в это лето знойных дней хватало. Часто выпускать Сили можно было только после шести, когда солнце уже не пекло, но и тогда я сначала обследовала склон, чтобы надежно его обезопасить.

То есть это я так считала. Как-то вечером я приняла обычные меры — била клюшкой по кустам и во весь голос беседовала с Аннабелью (последнее для того, чтобы гадюки уловили вибрации моего голоса. Мои действия были более логичными, чем могло показаться со стороны). Затем я выпустила Сили из оранжереи, и, следуя своему девизу никогда не оставаться в саду, если оттуда можно удрать, он, точно газель, помчался вверх по склону... и несколько секунд спустя уже мчался вниз, держа во рту нечто длинное, тонкое и извивающееся.

Это оказалась слепозмейка. Не то я не дала бы за его жизнь и дырявого пенни — так ее голова изгибалась около его морды. Да и за свою дала бы немногим больше, учитывая, что он любовно сложил ее к моим ногам. Какой он молодец, а? Вопросив так, он принялся

тыкать в нее лапой, чтобы она еще поизвивалась, и был явно обескуражен, когда я подцепила ее на клюшку, с которой она соскользнула, а я снова ее подцепила, а она снова соскользнула, а я снова подцепила — и так, пока я не водворила ее под ежевику.

Вечером на следующий день он опять отправился туда и поймал еще одну. Но так как я, казалось, не ценила его подарков, он не отнес ее мне, а принялся играть с ней прямо на склоне. Поскольку с такого расстояния нам не было видно, действительно ли это слепозмейка, Чарльз тут же кинулся к нему, вооружившись тлякой и крича во все горло, чтобы отпугнуть его.

Последствия не замедлили себя ждать. — Он чего, в индейцев играет? — осведомился старик Адамс, вырастая как из-под земли. — Этот ваш котик со змеями справляется? — заметил он, когда я объяснила ситуацию, и добавил, приложив ладонь козырьком над глазами: — Твой хозяин шлепнется, как коровья лепешка, если не убавит прыти. Вот увидишь! — пророчески заключил он.

Нет, Чарльз не шлепнулся, что было к лучшему, так как в это лето он не единожды повторял свою пробежку, а Сили со змеями справляться не умел. Прошлогодний укус гадюки его ничему не научил. Той же укушенной лапой он продолжал тыкать любую извивающуюся тварь, хватал ее поперек живота, а не за шею сзади и, увидев, что мы бежим к нему, скрывался с ней под кустом.

Притом он обладал поразительным талантом обнаруживать их... Как бы я ни обыскивала склон, он не успевал подняться туда, как уже откуда-то выуживал нечто извивающееся. И хотя в такой поздний час гадюкам там ползать не полагалось, полной уверенности у нас не было, и мы всякий раз кидались туда бегом. Нам казалось, что интерес Соломона к

змеям был несколько избыточен, но Сили сделал их целью своей жизни.

Правда, гадюки ему не попадались, так как днем мы его не выпускали, а затем запас слепозмеек исчерпался, и он прозаически перешел на полевок. Ну, их он хотя притаскивал только на лужайку. Мертвых мы оставляли ему, живых утаскивали... и в один прекрасный день увидели то, чего никогда больше не думали увидеть: Шеба играла с мышкой!

Последнюю она поймала много лет назад. И даже оставалась равнодушной, когда Сили притаскивал полевку, и только отворачивала голову, если он начинал слишком уж бахвалиться. Однако последнее время в ней пробудился интерес к тому, что происходило вокруг. И явно она замечала, как мы гонялись за ним по склону, когда он ловил слепозмеек. Во всяком случае, как-то под вечер, когда мы выпустили их обоих из оранжереи, она не вернулась чинно в дом, как обычно, чтобы поужинать, а исчезла, страшно нас напугав. Не обнаружив ее ни в коттедже, ни в саду, мы с ужасом предположили, что она тихонько ушла, чтобы умереть в каком-нибудь укромном уголке. Ведь она была очень старой, больной, а кошки порой предпочитают умирать не дома.

Но не Шеба. Обшарив все возможные места, Чарльз, цепляясь за последнюю надежду, поднялся на склон. И увидел, что она сидит на пастбище Аннабели и греется в лучах вечернего солнца. Она уже много лет не забиралась туда, и мы своим глазам не верили. Шеба безмятежно поглядела на нас. Сили все бегал сюда, и мы так вокруг него хлопотали! А вот теперь и она здесь, сообщила наша старушка.

И она начала сидеть на дороге у ворот лесной тропы, чего тоже не делала уже многие годы. Взобраться на столб ей было не по силам, и она устраивалась у его основания, так что нам приходилось

постоянно забирать ее оттуда — ведь на нее могла напасть собака. Тем не менее мы были ошеломлены такой переменой. Но изумились даже еще больше, когда, завтракая, поглядели в окно и увидели, что там, где секунду назад Сили подбрасывал на лужайке мышку, теперь ее с интересом обнюхивала Шеба.

И прямо у нас на глазах взяла в рот. Должна с сожалением добавить, что тут же мы стали свидетелями того, как Сили примчался назад и, забыв о своем обычном рыцарском отношении к старым дамам, тут же забрал у нее мышку. Впрочем, без мышки она не осталась. Дня через два он притащил в дом еще одну, и я ее конфисковала, пока он не смотрел. Недоуменно поискав там и сям, он вновь отправился в свои охотничьи угодья, а я тайком отдала мышку Шебе.

Вдруг помолодев, она схватила мышку, осторожно огляделась и с торжеством унесла ее в оранжерею. И там она, давным-давно питавшаяся только жидкой пищей, причем почти всегда мы кормили ее с ложечки, съела мышку в один присест, точно умирала с голоду.

Но вопреки нашим надеждам, силы и здоровье не вернулись к Шебе. Каким-то образом она знала, что ее конец близок. И словно прощалась с тем, что особенно любила — охотиться на мышей, сидеть летними вечерами на пастбище Аннабели, смотреть на Долину со столба калитки.

Неделю спустя после эпизода с мышкой она вышла на свою обычную прогулку с Чарльзом и попросила, чтобы он посадил ее на капот машины. И вдруг начала отчаянно ласкаться к Чарльзу, которого всегда особенно любила, — терлась об него, мурлыкала, совала голову ему в рукав. Вела себя как сущий котенок, сказал он, принеся ее домой.

Это была ее последняя прогулка. Когда утром мы спустились вниз, она зашаталась, стараясь встать нам навстречу. Мы ничем не могли ей помочь. Она уже

несколько лет страдала почками. Весь день она мирно пролежала, свернувшись на своем пледе. Вечером мы по очереди ухаживали за ней. Странно, сказал Чарльз, ведь только вчера вечером... Наверное, она знала и прощалась с ним...

На следующий день она умерла так же мирно, как жила с нами. Прошло шестнадцать лет с того дня, когда они с Соломоном родились наверху в нашей спальне. Теперь, когда не стало обоих, словно кончилась целая эпоха.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ



Мы уже давно решили, что, потеряв Шебу, возьмем еще одного котенка блюпойнт, и как можно скорее. Нет, это не было черствостью. Наоборот, объяснение было в том, что мы ее очень любили. Дом утратил бы что-то без кошечки блюпойнт. Когда умер Соломон, лучшим лекарством от нашего горя оказался Сили. Да и Сили истоскуется, оставшись один, когда некому будет мурлыкать о своих подвигах и не с кем спать рядышком... Так мы рассуждали, и если иногда мне в голову закрадывалась мысль, что, материализовавшись, наша новая кошечка может оказаться совсем непохожей на нашу спокойную домоседку Шебу, я тут же решительно ее отгоняла.

Так не бывает, твердо сказала я себе. Сколько я ни знала людей с двумя кошками, одна непременно была

тихонькой. Черныш и Синька дальше по дороге. Харди и Уиллис, когда-то жившие у священника. Даже Конфетка и Помадка, две сиамские близняшки, принадлежавшие двум сестрам-учительницам... Если Помадка была неисправимой хулиганкой с мефистофельским складом характера, то Конфетка не доставляла им ни малейших тревог.

И раз Сили не успевал выпутаться из одной тяжелой ситуации, как его с неизбежностью, присущей сериалам, посвященным Джеймсу Бонду, уже подстерегала новая, следовательно, кошечка обязательно будет похожа на Шебу. Да, обязательно, не то мы с Чарльзом не выживем.

Сили недавно чуть не свел нас с ума, скушав резинового паука. Кто-то прислал ему паука в подарок на Рождество, и много месяцев паук этот свисал с ручки двери, вгоняя в дрожь наших впечатлительных гостей, и оставался любимой игрушкой Сили. Он часами играл с ним. Взлетал к нему пружинистыми сиамскими прыжками, отгоняя нас от него зловещим сиамским ворчанием, стремительно бежал с ним по комнате, насколько растягивалась резинка, а затем выпускал его, и паук, точно им выстрелили из рогатки, с громким хлопком ударялся о дверь.

Затем как-то вечером я отменила его обычное угощение на сон грядущий, так как он обжирался весь день. Он совсем разжирел, сообщила я ему с упреком. Не хочет же он, чтобы его прозвали Пузаном, правда? По-видимому, именно этого он и хотел, потому что, спустившись утром вниз, я обнаружила, что он восполнил урезанную порцию пауком. На каминном коврике остался жалкий кусок его туловища. Остальное — ножки, жуткая голова, половина дряблого черного туловища и около ярда резинки с колечком на конце — явно покоилось в желудке Сили.

При этой мысли я чуть не хлопнулась в обморок. Я уже видела, как его оперируют... Я же знала, что даже небольшой кусок этой резины может вызвать непроходимость с самыми роковыми последствиями. Далее мне представилось, как ветеринару не удастся обнаружить один из обрывков — ножки у паука были такими длинными и мохнатыми, а он, конечно, разжевал их в фарш. Меня терзало горькое раскаяние: не лиши я его этих кошачьих галет, его желудочек теперь не был бы набит резиной.

Дрожа как осиновый лист, я бросилась к двери позвать Чарльза. И все еще дрожала, когда заметила у косяка какую-то странную кучку и нагнулась, чтобы разглядеть ее получше. Тут у меня подкосились ноги от облегчения: все недостающие части паука, аккуратно извергнутые. Сверху покоились колечко и резинка, предположительно извлекшие все прочее. И глядя на них, я возблагодарила судьбу за это. Проскочи колечко в глотку Сили, извлечь его удалось бы только хирургическим путем.

После того как Чарльз проверил куски — все ли они тут (чего только ему не приходится делать в этом доме, сказал он. Хорошо еще, что он не слишком брезглив!), — мы добавили еще один пункт к нашим правилам сямской безопасности. Никогда не оставлять Сили наедине с резиновым предметом, который поддается разжеванию, и обязательно убирать все его игрушки на ночь в ящик.

Тем не менее у него оставалось еще много способов старить нас раньше положенного нам времени. На следующий же день он свалился в цистерну для дождевой воды. Утро было солнечное, и мы завтракали с открытыми окнами, а потому слышали какой-то рокот, словно дальние погромыхивания грома.

— Мисс Уэллингтон с садовым катком, — сказала я Чарльзу.

А затем, пока мы дебатировали, зачем бы ей волочить свой каток по дороге... Конечно, за ней водятся чудачества, но с какой бы стати?.. И тут я снова услышала тот же звук.

— Сили в цистерне! — вскрикнула я с внезапным озарением. И мы рванулись с места, как два грейхаунда. Пусть мы неспособны долго поддерживать скорость, но после стольких лет жизни с сиамами далеко не все олимпийские бегуны сумели бы опередить нас на старте. И вот мы во дворе, и на бегу я прикидываю в лихорадочной спешке, как нам вытащить его оттуда. Я нашла только один способ: Чарльз держит меня за щиколотки и спускает в цистерну головой вниз... Ведь цистерна наглухо прикреплена к стене, высота ее восемь футов, уровень воды в летнее время очень низок, и Сили на самом дне, словно в львином рву, бедняжка, никакими силами выпрыгнуть из нее не сумеет.

Вот что мы думали, а обогнув угол, увидели, что он шагает по лужайке.

— Значит, в цистерне был не он, — сказала я и тут же увидела, что он весь в мокрой грязи и выражение у него самое несчастное.

Вероятно, он выслеживал птиц на крыше гаража. Мы несколько раз замечали его там в засаде за веткой сливы. Предположительно, он прыгнул на добычу и шлепнулся на металлическую сетку, закрывающую цистерну для безопасности. Под его весом сетка прогнулась и макнула его в застойную воду на дне глубиной около фута. Затем, карабкаясь по сетке, он использовал ее как трамплин, чтобы выпрыгнуть наружу. Ему еще очень повезло, что сетка спружинила. Что произошло бы, будь цистерна полна хотя бы наполовину и не было бы сетки... Мы похолодели при этой мысли.

Но тут же взяли себя в руки. С сиамскими кошками иначе нельзя. Чарльз принес несколько досок, чтобы накрыть цистерну, хотя бы временно, а я забрала нашего искателя приключений в дом и отчистила от грязи, насколько могла. А пять минут спустя, когда мне позвонили и я рассказывала, что произошло («Да как вы оба еще не сошли с ума!» — воскликнула моя собеседница, а я ответила: «Ничего, справляемся!» — с веселой небрежностью, как я уповала), Сили заключил, что настало время для впечатляющего финала. Выйдя в прихожую, чтобы я ничего не упустила, он уныло доплелся до лестницы, сел и судорожно поднатужился. Поскольку я не могла бросить трубку, а и могла бы, так все равно не успела бы, мне оставалось только сидеть, пытаюсь сохранять весело-небрежный тон, и смотреть, как его вытошнило тиной на индийский коврик. Единственный белый во всем нашем доме, и почему этот жуткий кот его выбрал...

А для того, чтобы мы поняли, Что Ему Пришлось Вытерпеть, сказал Сили, томно сидя возле доказательства. Он Погрузился в Тину! Люди, которые заводят Сиамских Котов, должны Тщательно о них Заботиться. Мы позволили ему съесть паука, а теперь допустили, чтобы он упал в цистерну.

Еще один спектакль ожидал нас на другой день после смерти Шебы. Последние месяцы она была такой пассивной в общении с ним, что, по-моему, он ее еще не хватился. Тем более что на ночь мы взяли его к себе, чтобы ему не пришлось спать в одиночестве. И, безусловно, было чистым совпадением, что утром он ушел и пропал на несколько часов.

Однако миссис Перси истолковала его поведение совсем по-иному. Она и мистер Перси жили теперь в бунгало на вершине холма, а на ферме остались их сын с женой и маленькой дочкой. И вот когда она выглянула в окно и увидела, что Сили сидит на клумбе, жалостно

поглядывая на нее, сердце ее ну просто кровью облилось от жалости.

Она позвонила нам. Ведь, конечно, сказала она, ему не следует уходить так далеко от дома, и, конечно, мы тревожимся, где он. Я поблагодарила ее, сказала, что сейчас же приду, но не могу понять, почему он туда отправился... Может, тоскует без Шебы, предположила она, вот и пришел побыть с ее кошечкой.

Вряд ли! Бесспорно, он мог пойти следом за Виски из леса, но привлекла его возможность понаблюдать через окно, чем кто занимается внутри комнаты. Сили просто отдался своей страсти совать нос в чужие дела.

Но когда я явилась за ним, то поняла, почему она так решила. Съежился в комок под георгином, боясь выбраться оттуда, раз его заметили, а на морде такое выражение, что как было не принять его за кота в трауре!

Понятия не имеет, как он очутился здесь, заверил он меня жалобно, спускаясь на моем плече с холма. Просто прогуливался, и вот... А эта дама стелила постель Внизу, заметил он с большей уверенностью в голосе, когда мы приближались к коттеджу. Я когда-нибудь видела, чтобы постели стелили внизу? Я ведь люблю его, правда? Он потерся головой о мою щеку. Спорим, я перепугалась, когда подумала, что позволила ему заблудиться...

Что так, то так. Я, пыхтя, металась по всем тропкам, а они ведут из Долины вверх... С надеждой сбегала вниз в коттедж проверить, не вернулся ли он, и снова взбиралась по склону... И все время меня сверлила мысль, что не могли же мы потерять его... как раз тогда, когда остались без Шебы... Не могла же судьба быть такой жестокой...

И не могла. И не была. Тем не менее, войдя с ним в дом и сбросив его на кухонный стол, где он тут же принялся жаловаться Чарльзу, что о нем никто не

заботится и что он не завтракал... Тем не менее я сказала:

— Надо как можно быстрее найти кошечку. Она, станем надеяться, будет удерживать его возле дома. И лучше, чтобы их было двое, на случай...

И мы начали поиски преемницы Шебы. Но не обязательно похожей на нее, как было с Соломоном. Найти его копию казалось возможным. Он же был силпойнтом и к тому же типично красивым. Мы несколько месяцев разыскивали его двойника — и нашли Сили, который был вылитый Соломон вплоть до пятнистых усов. А блюпойнтов было заметно меньше, и к тому же Шеба не обладала типичной внешностью: хорошенькая, но с простенькой круглой мордочкой. Ни на одной выставке она никакого приза не получила бы. Найти котенка, похожего на нее, шансов у нас не было никаких, и мы не стали тратить время на заведомо бесплодные попытки.

Хотя и готовы были ждать нашу новую девочку недели, а то и месяцы, поскольку блюпойнты встречаются не часто, а уж если они понадобились нам, то, конечно, и вовсе исчезнут. Каково же было наше изумление, когда не прошло и недели, как мы ее нашли!

Моя тетя Луиза следила ради нас за газетными объявлениями и вдруг позвонила нам в величайшем волнении — таком, что куда-то задевала очки, не могла толком разобрать номер телефона и продиктовала нам несколько комбинаций, одна из которых, конечно, окажется правильной. Но тут нам улыбнулась удача. С первым же звонком мы попали в десятку.

И удача опять нам улыбнулась. Мы уже звонили по одному объявлению, но единственная кошечка оказалась проданной. Остальные милые малютки, сказала их владелица (тут наш разговор на минуту прервался — судя по звукам, она избавлялась от одного

милого малютки, который, усевшись у нее на голове, сам выкрикивал в трубку данные о себе)... так все остальные милые малютки — все пятеро — мальчики. А я уверена, что не предпочту мальчика? В голосе ее прозвучала тоскливая надежда. Мальчик у нас есть, ответила я сочувственно. Мы ищем ему подружку, чтобы он сидел дома.

Однако там, куда я позвонила с подачи тети Луизы, оказалось три девочки. Три девочки и мальчик, сказала их хозяйка. Мы позвонили первые, так что можем выбирать. Их отец и дед оба были Чемпионами среди Чемпионов... Будьте спокойны, сказала я. Мы выезжаем.

Час спустя мы были там. И именно в той атмосфере, на которую надеялись. Исполненную любви, так благотворно воздействующей на характер сиамов (заведомых эгоистов, разумеется, но нельзя же иметь все!). Мамочка была любимицей семьи, так что котята подрастали в доме... да и котят они ей позволяют иметь не ради продажи, но потому, что ей это психологически полезно. А забеременев, она получала только самый лучший корм... хорошо сбалансированный... ведь хозяйка — медицинская сестра... И внезапно нам был предъявлен результат всего этого — миссис Хинкс открыла дверь, и в комнату хлынули котята.

Сама я поклонница силпойнтов. Где бы я ни увидела мордочку в темной маске, я прирастаю к месту от восхищения. Но и в блюпойнтах что-то есть. Какая-то эфирность Снежной Королевы в их красоте... ощущение лунного света, одевающего серебряным инеем дальние горы... А когда в комнату их ворвалось четыре, я была покорена совсем как Чарльз.

Вот опять. Древняя сиамская магия. Раскосые сапфировые глаза. Круглые, словно подстриженные ежиком головки. Стоящие торчком хвостишки-спички. Вопли радости, когда они принялись резвиться на

креслах и стульях, намереваясь извлечь как можно больше из нежданного праздника.

Это и был праздник, объяснила миссис Хинкс. Обычно их в гостиную не пускают. Им же обязательно надо лазить по занавескам, а это плохо на них сказывается.

А они тем временем уже карабкались по занавескам. Двое были у самого верха, третий настигал их, а четвертый (мальчик, сообщила миссис Хинкс) раскачивался на полпути вниз головой. И тут же он разжал когти и быстрым прыжком в пол-оборота очутился на спинке дивана. Вот потому-то она и знает, что он мальчик, сказала миссис Хинкс. Он один не умеет лазить.

И пока мы смотрели, третий котенок прицельно хлопнулся ему на спину, а верхние два соскользнули с высоты вниз точно на лифте. И секунду спустя они уничтожали уже не занавески, а белоснежный льняной чехол дивана.

Владельцы сиамов, естественно, привыкают к подобному. За годы мы лишились двух комплектов широких льняных чехлов, а теперь обнаруживали недостатки — в той мере, в какой это касалось сиамов — и эластичных тканей. Но тут это были первые котята, и как их хозяйка мужественно ни старалась справляться со своими чувствами, каждая из выдергиваемых ниток, вероятно, ранила ее в самое сердце.

— Что же, — сказала я, забирая парочку со спинки дивана, чтобы поддержать ее, — котята очаровательные, и мы непременно возьмем одного. Только вот какого?

Задача, как всегда, оказалось тяжелой. Для начала мальчика приходилось то и дело извлекать из общей кучи, задирать ему хвостик и тут же к большому его негодованию отвергать. Даже когда миссис Хинкс

выставила его за дверь, это мало чему помогло. Он принялся орать в щелку, вопрошая, Чем Нехороши Мальчики? А его сестрички заглядывали под дверь с нашей стороны, дружно стараясь разглядеть его в щелку. Правда, с дивана они убрались, но как нам было выбрать котенка по задней его части?

А потому его пустили в гостиную, и балет возобновился. Сильфиды, подумала я, замороженная сказочными оттенками их шерсти. И тут я заметила, что одна из сильфид вдруг на несколько секунд садится напротив нас и заглядывает нам в душу всеобъемлющим сиамским взглядом. Так давным-давно Саджи, первая сиамочка блюпойнт в нашей жизни, выбрала нас. А теперь другая пришла к выводу, что нам требуется именно она.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ



Сперва мы делали вид, будто это не так. Сравнили котят по величине. Все оказались одинаковыми. Проверили широколобость (Шеба была широколобой). Догадайтесь, чья голова оказалась самую чуточку шире? Мы брали их по очереди на руки, стараясь оценить, насколько они умны. Догадайтесь, кто отвечал нам самым серьезным взглядом, явно оценивая наш ум?

Ну, мы и забрали ее с собой, тревожась — без тревог тут никак не обойтись, — что ей всего восемь недель и прививки ей еще не сделали.

Прежде котята получали прививки после шести недель. Теперь они обходятся одной прививкой после десяти недель и обычно пока они еще остаются с матерью. Сиамы — порода наиболее восприимчивая к кошачьему гастроэнтериту — крайне редко продаются без справки о прививке.

Да, она об этом думала, сказала миссис Хинкс, когда мы коснулись этого вопроса. Но котята у нее впервые, и она не знала, как ей поступить. И кто-то сказал ей, что люди предпочитают брать восьминедельных котят, чтобы получить от них удовольствие сполна, а ждать остается всего две недели, и ведь котята, подобно младенцам, еще сохраняют иммунитет, полученный от матери...

Так ей подсказывал ее опыт медицинской сестры. Но вот подчиняются ли этому закону сиамские кошки? Особенной уверенности у нас не было. Когда им требуется, они считают себя людьми, а если нет, никто с такой быстротой не способен перевоплотиться в нежный вянувший цветочек.

И это, могу я добавить, отнюдь не просто мнение обожающей сиамовладелицы. Некоторые кошачьи питомники отказываются принимать сиамских кошек ввиду их склонности чахнуть от тоски и восприимчивости к инфекции. Ветеринары тоже с опаской относятся к складу их характера. Возьмите, к примеру, кошачий грипп — нет, не гастроэнтерит, иногда неправильно так называемый, — но настоящий насморочно-легочный. Другие кошки, сказал он, почихают, посопят пару деньков и снова выглядят как огурчики. Но стоит заболеть гриппом сиамской кошке, так она не только будет чувствовать себя очень скверно, но, если на нее найдет что-то, может просто утратить волю к жизни, и тогда уже ее ничто не спасет.

Я поведала этот скорбный факт миссис Хинкс. Так, может быть, мы хотим пока оставить нашего котенка у нее? Она с радостью продержит его еще две недели, и прививку сделает ее ветеринар.

Но тут мне пришло в голову еще одно соображение. Мы первые осматривали котят. И если заберем ее домой сейчас же, то будем знать, что никакая инфекция ее не коснулась. Ну, а если мы будем выжидать две недели, а

за это время какой-нибудь посетитель занесет в дом тот или иной вирус?

И мы приняли решение, тем более что, поглядев на них, уже не мыслили вернуться домой без нашей кошечки — ведь Сили необходима подружка, объяснили мы, хотя, конечно, нужна она была нам.

Миссис Хинкс для верности позвонила своему ветеринару. С такими здоровыми котятами, как у них, абсолютно безопасно, сказал он... при условии, что через две недели прививка ей будет сделана без проволочек. Для еще большей верности мы позвонили своему ветеринару. Совершенно безопасно, подтвердил он. Если мы хотим, он сейчас же нас и запишет на прививку через две недели.

И вот мы привезли ее домой. Все еще опасаясь, что она не сумеет протянуть эти две недели без каких-либо напастей. И опасения эти еще возросли, когда мы увидели, какой малюсенькой она выглядит в своей корзинке. И только в одном мы не сомневались: стоит Сили ее увидеть, и счастливей его сиама в мире не будет.

Что лишний раз показывает, как мы умеем попадать пальцем в небо. Ибо, когда мы вошли с ней в коттедж, впустили Сили в гостиную и открыли корзину в светлом уповании, что увидим сейчас что-то вроде сцены на балконе из «Ромео и Джульетты», Ромео тотчас прижал уши и сказал, что она Отвратительна, а Джульетта, негодуюя всеми пятью дюймами своего роста, распушила хвост, скосила глаза и заявила, что он сам уж такой Отвратительный!!

Он ее Съест, если она не уберется, взвыл Ромео. Пусть-ка Попробует, отпарировала Джульетта в позе борца, готового положить противника на обе лопатки. На чем наша попытка подружить их нынче же вечером и завершилась полным фиаско.

Вместо этого мы забрали Сили к себе в спальню, а новоприбывшую устроили внизу на кушетке с пледом и грелкой. Она засеменила за нами к двери, и просто сердце надрывалось, когда мы закрывали эту дверь перед ее носишком, но что нам оставалось в подобных обстоятельствах? Оставить Сили внизу воображать, будто он нам больше не нужен, мы никак не могли.

Как, по-моему, она догадается вернуться в постель, спросил Чарльз, лежа в темноте без сна и тревожась за нее. Ну, конечно, сказала я, не то она уже плакала бы. Меня больше беспокоило, что она пока останется без прививки.

Но на кушетку она не вернулась. На нижней полке стеллажа у самой двери гостиной лежала полистироловая плитка, которую Чарльз, любитель писать маслом, приспособил под легкую палитру. И вот на ней, свернувшись клубочком между баночками с красками, она крепко спала, когда мы пришли к ней утром.

Даже если бы она вышла в бушующую вьюгу, кутаясь в старенький бабушкин платок, ей не удалось бы столь бесповоротно завоевать сердце Чарльза. Черт, вот храбрая малютка, сказал он. Устроилась как могла ближе к нам. И даже ни разу не заплакала. Что доказывает, какая она мужественная. А поняла ли я, до какой степени она умна? Сообразила, что на полистироле лежать теплее, чем на деревянной полке!

Я возвела глаза к небу и пошла готовить завтрак, а Сили, держа хвост под углом, ясно выражавшим то же чувство, отправился на прогулку. Кушайте ее на здоровье, сказал он.

Несколько следующих дней прошли относительно гладко, так как еще не кончилось лето, и Сили придерживался оранжерейного распорядка дня. Рыкнув на нее, точно бенгальский тигр, с утра пораньше, когда проходил через гостиную — просто, чтобы показать ей,

кто тут есть кто, он до конца дня забывал про нее. Гулял, завтракал в оранжерее, отдыхал под виноградными лозами, как прежде с Шебой. А когда я попозже выпускала его, он не мчался подозрительно в дом проверить, там ли она еще, а отправлялся в плодовый сад побеседовать с Чарльзом или заманивал меня на склон поиграть — залихватски ныряя в кустики засохшей травы и вспрыгивая на одно дерево за другим, будто котят на свете вообще не было. Только когда наступал вечер и он возвращался в коттедж, ее присутствие там омрачало его настроение, будто черная туча. «Тшааах!» — шипел он, точно тормоза тяжелого фургона, и с отвращением усаживался на столе.

Он просидел так четыре вечера подряд, словно моряк на плоту в океане среди кишения акул. Точно посередине, чтобы не свалиться, для пущей надежности забаррикадировавшись за транзисторным приемником и деревянным канделябром. Эти оборонительные сооружения обеспечивала ему я, чтобы пробудить в нем уверенность в себе, и там он отсиживался, как белый поселенец, осажденный индейцами, иногда выглядывая поверх частокола, чтобы посмотреть, чем занят враг.

Возможно, было бы легче, если бы враг в свою очередь интересовался им — следовал бы за ним с той же настойчивостью, с какой он ходил за Шебой, когда был котенком. Но эта киска была слеплена из другого теста. Когда она перехватывала его взгляд, то лишь выгибала спину на манер пяденицы и даже не снисходила зашипеть на него. Когда она проделывала это в безмолвии, он явно пугался куда больше. Она играла, резвилась и ела на уровне пола, словно его вовсе не существовало.

Ела... именно это в конце концов положило начало сближению. Мы считали, что Сили обладает достаточно

большим аппетитом, но Шебалу, как мы решили назвать ее — Шеба, в память о былом, и Лу в честь тети Луизы, которая нашла ее для нас... Так Шебалу при всей своей благовоспитанности ела, как изголодавшийся Оливер Твист. «Нммм-нммм-нммм-нммм» — тихонько гудела она, поглощая свою пищу, и Сили, на второй вечер осторожно подкравшийся к краю стола (поскольку враг еще не атаковал), не мог поверить своим глазам.

Это же никак в ней уместиться не может, недоуменно возопил он и тут же торопливо отступил за транзистор, когда она оторвалась от миски и поглядела на него. Однако не только все в ней уместилось, но, закончив, она отправилась на кухню и вернулась оттуда с мочалкой для мытья посуды, так сказать, на десерт.

Открыла она ее для себя днем. Я уже не один десяток раз забирала у нее мочалку и уносила на место, так что зрелище того, как она решительно волочет ее назад, успело стать привычной картиной. Но не для Сили, который пребывал в оранжерее, и, когда она появилась, спотыкаясь, с ручкой мочалки между лапами, словно верхом на миниатюрной деревянной лошадке, он в ошеломлении даже спрыгнул со стола, чтобы понаблюдать поближе. Вытянув шею, округлив глаза, он смотрел из-за кресла, как она уселась и принялась грызть мочалку. Затем я мочалку отобрала, и он снова забрался на свой плот.

Однако начало было положено. Он все чаще и чаще рисковал подходить к краю стола. А в течение третьего вечера так дважды спрыгивал на пол и взирал на нее из-за угольного совка. И все-таки все шло куда медленнее, чем у него с Шебой, и на четвертый вечер, раздраженная этим вечным подглядыванием из-за кресел, будто бесенята покушались на его когти, я решила взять дело в свои руки.

И построила ему из газет убежище — Сили, обожавший воображать, будто он невидим, никогда не

мог устоять против такого соблазна. Не устоял он и теперь. Забрался внутрь, припал к полу и повел наблюдение, считая себя невидимкой. Секунда — и Шебалу, приблизившись вприпрыжку, всунула внутрь любопытную голубую лапку. И после длительной паузы, во время которой можно было бы обдумать десяток шахматных ходов, наружу осторожно показалась очень крупная черная лапа. Едва Шебалу прикоснулась к ней, как он, разумеется, взвился, точно его ужалили. Но это была чисто нервная реакция, и уже через минуту они по очереди прятались под газетками, и оставшийся снаружи в страшном возбуждении увертывался и угрожал.

Испытай мы этот способ в первый же вечер, ничего не получилось бы. Вероятно, даже теперь все получилось потому, что они играли, так сказать, анонимно, практически не видя друг друга. А потом позабыли прятаться, и в конце концов Сили лизнул Шебалу... очень пристыженно. Совершенно очевидно, это было ниже его достоинства, но он закрыл глаза и притворился, будто это не он... Вот так. Задание выполнено.

Конечно, нам все еще надо было соблюдать осторожность. Не ласкать ее в его присутствии, чтобы он не взревновал. Не позволять им есть вместе — не то она в два счета очищала свою миску и принималась за его порцию. Самое странное, что он ей позволял. До смерти Шебы экстравертом был он — молодым, кипящим энергией, жадным, хватающим все съедобное, что попадалось ему на глаза, не думая о Шебе. И вот через какую-то одну неделю он сидел с родительским терпением, пока котенок уписывал его крольчатину.

Она же Маленькая, сказал он мне, закрыв глаза, когда я объяснила ему, что он ведет себя глупо. Мы должны Заботиться о ней, добавил он и попятился, чтобы ей легче было добраться до его миски. Ну, и

чтобы поддерживать равновесие, мы начали кормить их раздельно. Ее в прихожей, его в гостиной, но и тогда, стоило ей, облизав миску, завопить под дверью, и он оставлял своей кусок, совершенно очевидно, для нее.

Бесспорно, он стал другим котом. На следующий день после их совместной игры Чарльз вернулся домой доложить, что видел, как Сили прыскал! На лесной тропе у папоротника и с очень решительным выражением на морде, сказал Чарльз. И чуть ли не в тот же день мы увидели, как он гнал кота по дороге — не дружески трусил за ним, как прежде, но, высмотрев его из сада, совершенно явно отражал нашествие врагов.

— Осознал, что у него есть подружка, — сказал Чарльз.

Хотя, увидев, как он играет с ней, вы вряд ли бы подумали, что она его подружка, так как он прижимал уши, выгибал спину, свирепо прыгал. Однако при более внимательном наблюдении вы обнаружили бы, что, прыгая, он всегда промахивается, а когда они сцепляются словно бы в смертельной схватке и он раздирает ее в клочья, на самом деле держит он ее очень нежно, а лапами усердно бьет по воздуху. И что на самом-то деле нападает Шебалу, которая с решимостью борца дзюдо, обладателя черного пояса, вновь и вновь кидается на его могучую черную спину и массивную голову.

Дружба их развивалась в геометрической прогрессии. Все сиаемы индивидуальны, и вскоре эти двое придумали игру, какой мы прежде не наблюдали ни у одной знакомой нам кошки. Как-то вечером я замороженно оторвалась от книги и сделала знак Чарльзу поглядеть на них. А они, ничего не замечая вокруг, безмолвно исполняли оригинальный танец мордами друг к другу перед креслом в желтом чехле, служившим им задником. Сили, прижимая уши и не спуская глаз с Шебалу, попятился на несколько шагов и

остановился. Шебалу, чьи ушки прилепали к голове совсем плоско, прошла, точно балерина, вперед на соответствующие пять шагов и тоже остановилась. Затем — мы не отрывали от них глаз — она начала отступать, а Сили, грациозно, гибко пошел к ней. Разумеется, это был вариант их постоянных буйных, но притворных потасовок — один угрожает, другая отступает, а затем прямо наоборот, но было так похоже на танго, исполняемое профессионалами, что нам даже почудилась музыка. А они продолжали свой танец довольно долго. И повторили его на следующий вечер.

Ну, сказала я, теперь, пожалуй, можно спокойно оставлять их вдвоем. И на следующий день, когда Сили позавтракал в оранжерее, мы пустили к нему Шебалу посмотреть, что из этого выйдет. Конечно, мы присматривали за ней. Она вылизала его миску, выглянула по очереди из всех окон и съела паука, которого обнаружила в углу, после чего ее тут же вытошнило. А затем забралась к нему на кресло, и, когда я снова заглянула в окно, он возлежал на боку, а она сидела на нем. Крохотная, точно воробышек на одном из каменных львов, украшающих памятник на Трафальгарской площади, она трудолюбиво мыла ему уши.

Сомнений в том, кто тут главный, быть не могло. Через минуту-другую Сили надоели ее заботы, и он наклонил голову, пытаясь увернуться. И тут же лапка, величиной с ложечку в солонке, твердо водворила его голову в прежнее положение, совсем как делала ее мамочка в таких случаях, и умывание продолжалось. А Сили больше не пробовал увертываться, но закрыл глаза и покорно ей подчинился.

Ну, и в эту ночь мы оставили их спать вдвоем. И Сили не принялся жаловаться. Не вопил, что хочет спать с нами, не прыгал с грохотом по комнате, чтобы заставить нас спуститься. А когда в три часа утра,

несколько напуганные полной тишиной внизу, мы пошли проверить, как они там, оба уютно свернулись рядышком на диване. Ромео и Джульетта, совсем как нам мечталось, — совсем как Соломон и Шеба все годы, прожитые ими вместе. Конечно, Сили не спал и следил за нами, как поступил бы всякий полный сил юный сиа́м, охраняя покой такой девочки.

Мы радостно вернулись в спальню и заснули праведным сном победителей. К сожалению, несколько преждевременно. Наутро Сили ушел из дома.



ГЛАВА ПЯТАЯ



Он пропада́л шесть часов. Впервые в жизни так долго. Как будто этой тревоги нам было мало, именно во время его отсутствия булочник обрушил нашу садовую стену, и когда молодой человек уехал, рассыпаясь в извинениях, объясняя, что фургон новый, он еще не привык к тормозам, не рассчитал, что поворот такой крутой — еще хорошо, что стенка его притормозила, ведь верно? — только тогда нам обоим пришла в голову одна и та же мысль, и мы принялись разбирать груды кирпичей в лихорадочной спешке, будто бригада спасателей после землетрясения. А вдруг Сили погребен под ней? Потом я звонила в пекарню проверить, не уехал ли он в фургоне — и еще раз по настоянию Чарльза с просьбой заглянуть под фургон, не лежит ли его трупик на оси?

Нет, не лежит. И на этой счастливой ноте, оставив Чарльза в убеждении, что трупик свалился с оси где-то в пути, я отправилась на обычные свои поиски его в Долине и тем положила начало новой цепи событий.

Случилось это в среду, и Эрн Биггс работал в саду Алкоттов. Собственно, Эрн проживал в соседней деревне, но примерно за полгода до этого наш сосед Билл Трэммел разговорился с ним в трактире, и рассказ Билла о том, какой он замечательный садовник, так его заворожил, что он тут же пригласил его два раза в неделю работать у него в саду. Чем крайне оскорбил старика Адамса, который вопреки тому, что это сверх его возможностей, тем не менее считает, что на любые работы в садах приглашать обязаны его. Но это между прочим. Водворившись со своей лопатой у нас, Эрн вскоре был засыпан таким количеством просьб заняться этим садом, и тем, и тем, что он предложил услуги своего брата Берта, так что теперь они оба трудились в наших местах с тяжеловесным упорством битюгов, приостанавливаясь, чтобы из-под полей фетровой шляпы смерить взглядом старика Адамса, когда бы он ни появлялся на их горизонте.

Одним людям они нравились, другим нет, но все соглашались в том, что в разговорчивости братьям Биггс никак не откажешь. У нас у самих был опыт с Эрном. Нет, его услугами мы не пользовались. Чарльз предпочитал делать все сам, пусть на это уходили даже годы, но это не мешало Эрну, когда он возвращался от Трэммелов, останавливаться у нашей калитки и давать советы, как перестроить конюшню Аннабели, чем опрыскать плодовые деревья и что бы он на нашем месте сделал с огородом. Все это иллюстрировалось примерами советов, которые он давал другим людям в подобных же обстоятельствах, — и все они теперь считают Эрна непререкаемым авторитетом. Времени его разглагольствования занимали столько, что теперь,

едва завидев его в отдалении, мы укрывались в гараже. Тем более что он от кого-то услышал про мои домашние вина и прозрачно намекал, что не прочь бы продегустировать.

А потому, когда я, пыхтя, взбиралась по тропе над рощей и выкрикала «Сили-уили-уили» вся в поту, так как Чарльз только что сообщил, что в этом же направлении трусил ретривер, с которым Сили вовсе незачем было встречаться, мне нисколько не стало легче при виде Эрна, методично выравнивающего живую изгородь Алкоттов.

Спасти меня могло только одно — его близорукость. Я и сама близорука, но не настолько. А потому я остановилась, неопределенно огляделась и сделала вид, будто дальше я идти и не собиралась.

— Собаку ищешь? — окликнул меня Эрн.

— Нет! — крикнула я в ответ. — Кота.

— Тут черный пес пробегал. Не твой?

— Нет, — сказала я. — Он живет дальше по дороге.

— А ты-то где живешь? — Эрн близоруко на меня прищурился.

— В Долине, — ответила я.

— Ты не миссис Трэммел будешь?

— Нет. — Я опять поглядела по сторонам. — Ну, я пойду. Тут его нет.

В бессильной досаде — ведь Сили вполне мог прятаться где-то дальше по тропе, но попытка пройти мимо Эрна задержала бы меня до конца утра — я вернулась сказать Чарльзу, что попробую зайти с другого конца. То есть пройду вверх по склону через деревню, поднимусь мимо трактира на другой склон и назад, описав полный круг, на дорогу, где трудился Эрн, но уже дальше него.

Уж конечно ему понадобилось торчать там, думала я свирепо, беря первый склон как призовая лошадь, раздумывая над тем, что я могла бы успеть сделать за

это время. И все для того, чтобы, добравшись до вершины, увидеть впереди фигуру с секатором в руке для подравнивания живых изгородей — Эрна! С отчаянием я узнала фетровую шляпу, мешок, который он всегда носил, и дробный перестук его огромных сапог с железными носками. Но каким образом он очутился тут так быстро? И куда идет? Через луга, напрашивался первый ответ, и в трактир, напрашивался второй, хотя открывался трактир позже, а Эрн обычно работал до второй половины дня.

Впрочем, думать следовало о том, как бы ненароком его не нагнать. Тревога за Сили начинала сводить меня с ума: где он может быть? Но если мне придется вступить в беседу с Эрном, я пропала. И я начала мешкать. Не такая уж легкая задача в деревне, где тебя все знают. И если замедлить шаг, внимательно разглядывая столбы ворот, приговор будет единодушен: совсем спятила! А Эрн то и дело останавливался и посматривал через плечо, стараясь установить, кто идет за ним. Тогда я тоже останавливалась и с интересом взирала на небеса. Тут он поравнялся с «Розой и короной», но, черт побери, не зашел туда, а повернул влево и затрусил вверх по склону.

А этот склон заметно круче. И он останавливался и оглядывался, ну а для того, чтобы мешкать, имелись только одни ворота, так что я махнула рукой на тактичность и открыто укрылась за ними, косясь на него из-за столба, пока он не скрылся из виду. Тогда я вышла из моего убежища, только теперь обнаружив, что Фред Ферри с интересом наблюдал за мной через живую изгородь — будет что ему порассказать в трактире! — и припустила вверх по склону, вновь окликая Сили.

Нигде никаких его признаков. Однако, когда я дошла до места, где дорога начинает спускаться в

Долину, далеко снизу до меня донесся свист. Свистел Чарльз.

— Вернулся? — завопила я во весь голос.

Ответа не донеслось. Наверное, Чарльз меня не услышал. Но в полной уверенности, что Сили уже дома, я позволила сделать несколько балетных па. День чудесный. Сили дома целый и невредимый. Эрн ушел восвояси. А трава тут была такой мягкой и упругой, а вокруг царила тишина — высоко-высоко над всем остальным миром.

— Да-а... дида... дида-а, — напевала я и, широко раскинув руки, порхнула за поворот. И там, угрюмо глядя на меня с того самого места, где я видела его раньше, стоял Эрн и тем же самым секатором выравнивал живую изгородь.

— А я знаю, кто ты такая, — сказал он.

Еще бы не знал, когда я кузнечиком выпрыгнула прямо на него! А я знала, кто поднимался по склону впереди меня. Его брат Бретт, который возвращался домой, закончив какую-то работу в другом конце деревни. Он ведь тоже ходил в фетровой шляпе и носил за плечом мешок, так что издали я его спутала с братом.

— Собаку-то нашла? — спросил Эрн.

— Кота, — сказала я. — Да, он вернулся домой.

— Так чего ты тут-то делаешь?

— Иду назад в Долину, — ответила я. (Уж тут-то я его надежно осадила, подумала я.) Но где мне было тягаться с Эрном! Четыре быстрых хода — вопрос, как пройти к трактиру, хотя хитрый тра-та-та знал это не хуже меня; вопрос, в каком часу он открывается, хотя это ему наверняка было известно лучше, чем мне; сообщение, что ему до смерти пить хочется... а я ведь вроде бы вино делаю? — четыре хода, и мне шах и мат.

— Загляните, когда пойдете домой, выпейте стаканчик, — сказала я, и поспешила в коттедж, зная,

что еще минимум час поучительной беседы не миновать, а все по милости этого проклятого кота...

Который, как я услышала еще с порога, домой пока не вернулся. Чарльз сказал, что свистнул он, чтобы узнать, не отыскала ли я его. Так что удовольствие потчевать Эрна бузинным вином досталось Чарльзу, а я отправилась на новые поиски и за свое радушие была вознаграждена диалогом, который услышала — звуки по Долине разносятся очень далеко, — когда карабкалась еще по одному склону, призывая Сили.

— Чего это она орет?

— Совет кота, — сказал Чарльз.

— Так я думал, она его нашла.

— Нет, не нашла, — сказал Чарльз.

— А я ее видел там на дороге. Пляску затеяла. — Доверительный тон Эрна показывал, как он это истолковал.

— Она часто так, — сказал Чарльз, чем отнюдь дела не поправил.

Под утро была подведена черта: обрушившаяся стена, Сили по-прежнему в нетях, Фред Ферри и братья Биггсы убеждены, что я свихнулась. Но это был еще далеко не конец.

Чарльз, избавившись от Эрна, сказал, что только сейчас сообразил... Трэммелы что-то делали перед своим коттеджем, а багажник их машины был открыт. Но ведь они, наверное, не могли захлопнуть в нем Сили?

Догадайтесь, на кого была возложена миссия пойти к ним и попросить, чтобы они открыли багажник своей машины? Трэммелы поселились здесь совсем недавно. Меня они знали только как особу, которая вечно звала кошку, бегая по Долине взад и вперед — то есть когда я не барабанила по эмалированному тазику, чтобы приманить ослицу с холма вниз. Вопрос, не сидит ли у них в багажнике наш сиамский кот, был не самым

лучшим началом для знакомства, но Чарльз настаивал, и я этот вопрос задала.

Естественно, его там не оказалось. Они вынули из багажника коврик и встряхнули его, чтобы окончательно меня убедить. А где он был, мы так и не узнали. Просто он вернулся в два часа дня, уйдя из дома в восемь утра, с небрежной беззаботностью, словно выходил в сад поразмяться пять минут. Нам оставалось только думать, что всю ночь он не спал, следя за Шебалу — из опасения, как бы она его не съела, а вовсе не оберегая его. А потом измученный пристроился где-то всхрапнуть и чертовски хорошо выспался.

Несколько дней после этого мы внимательно следили за ним, не желая, чтобы он повторил свой фокус с исчезновением. Естественно, мы могли бы не затрудняться. Следовало бы учесть его новую привычку гонять кота, жившего ниже по дороге. Как-то утром я возилась в саду, а он сидел возле прудика, когда мимо калитки прошел тот кот. Взвыв, Сили одним прыжком проскочил между прутьями и погнался за ним вверх по склону. Я вззыкнула ему вслед. И даже, наверное, поймала бы — я так кричала, опасаясь, как бы он снова не исчез, что на мгновение он заколебался, оглянулся... И тут кто-то выстрелил из ружья. Я подпрыгнула ярда на два, а коты метнулись в лес и взлетели на тополь.

Нет, на нас никто не покушался. Просто еще один новый наш сосед упражнялся в стрельбе по консервным банкам. Я и с ним была не очень хорошо знакома — во всяком случае не настолько, чтобы попросить его не стрелять пока, так как наш кот залез на дерево. И потому я замерла на месте. А вдруг снайпер заметит, что ветки колышутся, и примет котов за голубей? Когда выстрелы стихали, я отчаянно звала Сили, и на развилке надо мной появлялась испуганная мордочка,

но тут снова раздавался выстрел, и Сили тотчас прятался.

Мы бы и сейчас там оставались, если бы Чарльз не сообразил, что происходит, и не поднялся бы по склону, пошатываясь под тяжестью раздвижной лестницы. И мы все еще тщились бы продвинуть ее между сучьями, если бы на дороге не появился один наш друг и не увидел бы, как мы мучаемся. Он как раз шел к нам, неся в подарок лично им выращенный огурец. Теперь он положил его у обочины, взобрался по откосу и помог нам совладать с лестницей.

К этому времени стрельба по консервным банкам завершилась. Снайпера гораздо больше заинтересовали наши маневры, и он увлеченно следил за нами со своего плато. А мы тем временем столкнулись с новой трудностью: Сили появлялся на развилке и глядел вниз на нас, но за ним появлялся второй кот, Сили тут же кидался прогонять его на конец сука, и все начиналось сначала.

И как раз в этот момент, когда мы втроем вздымали лестницу и напряженно смотрели вверх, словно ожидая, когда же по ней спустится Иаков,^[1] мимо протопал Эрн Биггс по пути домой от Трэммелов.

— Чего это они? — осведомился он у снайпера.

— А черт их знает, — последовал ответ.

— Их там, что ли, рвать собрались? — сказал Эрн, узрев огурец на обочине, и... (я знала, знала, что без этого не обойдется!) добавил доверительнейшим своим тоном: — Она тут на дороге отплясывала, сам видел.

Сили мы все-таки спасли. Чарльз влез на лестницу, заманил Сили к себе на плечо и спустился так, чтобы я могла его забрать. Первой из леса появилась я — съехала по откосу на мягком месте, перекинув Сили через плечо и держа его за хвост. А когда достигла дороги, встала на ноги со всем имевшимся в моем

распоряжении достоинством и промаршировала вниз к коттеджу. Затем появился второй кот. Едва Сили забрали, он спустился по собственной инициативе. В заключение, очень смахивая на цирковых клоунов, по откосу пробалансировали с лестницей Чарльз и наш самоотверженный друг и забрали огурец.

— Ну и народ тут! — донесся до нас раздумчивый голос Эрна. — Чего только не насмотришься!

Мы же только порадовались, что пока вынуждены гоняться лишь за одним членом кошачьего племени. До прививки мы не выпускали Шебалу из дома. И отгоняли от себя мысль о том, что начнется, когда и она обретет свободу передвижения. Как мы убеждались ежедневно, она совсем не была похожа на Шебу.



ГЛАВА ШЕСТАЯ



Шеба была пай-девочкой. Скромной, пожалуй, чуточку чопорной и никогда не доставляла нам никаких хлопот. Правда, на склоне лет она стала несколько деспотичной, но это ведь свойственно старости. Шеба уподобилась королеве Виктории на восьмом десятке, и одно мы знали твердо: никогда, даже в самые легкомысленные свои деньки, Шеба не пила воду, оставшуюся от мытья посуды.

А Шебалу пила. Кроме того, она вылизывала мойку, а когда я пользовалась грилем, непременно оказывалась возле и, стоило мне уйти, начинала полировать решетку шершавым язычком. Манеры у нее были помоечной кошки, а не дочери Чемпиона Чемпионов.

Ужас, что такое, ведь правда, вопрошал Сили, который с ее появлением словно за ночь стал взрослым и подолгу заботливо сидел рядом с ней, точно мохнатый филин, полный родительской любви.

Но почему я позволяю ей добираться до грязной воды в мойке, осведомлялся Чарльз, тревожась, как бы у нее не началось расстройство желудка.

Но как я могла ей помешать? Большинство людей, помыв посуду, сливают воду в мойку, но если это пробовали делать мы, она закупоривала трубы. Кажется, у них наклон был неправильный, что, говорил старик Адамс, было совсем даже неудивительно при таком-то подрядчике. Как бы то ни было, по сложившемуся обычаю я выплескивала жирную воду либо в ручей, либо в огород. Я предпочитала проделывать это без свидетелей (меня считали странной и без того, чтобы к моим чудачествам добавилась еще и мания выплескивать воду), а потому я сначала выглядывала в дверную щель, нет ли кого-нибудь поблизости, и если кто-то обнаруживался, оставляла тазик в мойке до более удобного момента. Вот тогда Шебалу и кидалась к нему.

Во избежание этого я начала выскакивать с тазиком наружу куда стремительнее, и — поскольку мои мысли были больше заняты тем, как избавиться от грязной воды, чем мытьем, — начался период, когда я то и дело выплескивала с водой чайные ложки. Со мной и прежде это случалось в минуты стресса. Из года в год старик Адамс не раз и не два являлся с нашей чайной ложкой, говоря, что выудил ее из ручья и из-за чего это я сцепилась со своим благоверным на этот раз? Теперь же ложки летели с водой через стену стаями. Конечно, вода была такой мутной, что в тазике я их не обнаруживала. Но несколько раз неведомые добрые самаритяне клали их на столб калитки. А старик Адамс, принося очередную, теперь вручал ее с видом

покорности судьбе и без единого слова. Ну, и неизбежно в надлежащий срок Эрн Биггс протопал по дорожке, важно держа в руке трофей.

— Нашел, значит, в ручье, когда шел домой от мистера Трэммела, — сказал он.

— А... Большое спасибо, — сказал Чарльз. — Моя жена бросает их через стену. Когда расстраивается из-за кошек, — добавил он поспешно.

— Она, значит, — сказал Эрн.

Чудилось ли мне или действительно прохожих в Долине с этого дня появилось куда больше, чем прежде? Посетители «Розы и короны» — спасибо Эрну! — проходили мимо в надежде увидеть, как я швыряю чайные ложки?

Если так, то их ждало разочарование. После эпизода с Эрном я перестала выплескивать воду из тазика с таким самозабвением. Так как Шебалу дома не покидала, стать причиной неприятных происшествий она не могла. И некоторое время единственным примечательным событием оставалось исчезновение мячей для гольфа, с которыми играл Сили, о чем случайный прохожий провести никак не мог.

Да я и сама заметила их исчезновение не сразу. Когда в первый раз я не нашла мяча там, где, как мне помнилось, я его оставила — у лунки для мини-гольфа на лужайке, — я решила, что просто забыла. Наверное, унесла его с собой на кухню, подумала я и пошла взять другой. Следующий я не забыла, а, наоборот, твердо помнила, что оставила его возле лунки. Удар по нему, нанесенный вовремя, мог помешать Сили отправиться в лес, когда ему приходила охота побродяжничать, но мяч должен был лежать наготове — бежать за ним на кухню было бы бесполезно.

Я посмотрела в лунку. Мяча в ней не было. Сороки? Для них он тяжеловат. Я посмотрела на Сили, он

округлил глаза. Нет. Конечно, он крупный кот, но даже ему не удалось бы проглотить мяч.

Так я рассуждала, бдительно поглядывая на компанию проходивших мимо детей, когда увидела Неро, черного ретривера, который шастал по саду. Вышла прогнать его, он выскользнул в пролом, оставленный фургоном булочника (очевидно, через него же он и проник внутрь), остановился на дороге и залаял на меня. Вызывающе, расставив прямые, как палки, ноги, подняв голову. Потом на мгновение прервал свою тираду, и я заметила на его щеке что-то вроде шишки, которая тут же переместилась.

— Он забрал мяч Сили, — сказала я.

— Не может быть, — возразил Чарльз. — Мяч помешал бы ему лаять.

Не помешал! Хотя, осознав свою ошибку, он больше его за щекой не перекатывал. У него дома под подстилкой обнаружился целый склад наших мячей. Она понять не могла, откуда он их берет, сказала его хозяйка, когда я его обличила; она ведь не знала, что мы играем в мини-гольф. Переехала сюда она недавно и действительно могла не знать. Как и то, что играл, собственно, наш сиамский кот. Когда я ей об этом сказала, она несколько старомодно подняла брови.

Как бы то ни было, Сили получил назад свои мячи, брешь в садовой стене была заложена, а Неро, чтобы выразить все, что он думает о таких ябедниках, начинал лаять, едва завидя нас. Чем так досаждал Сили, что в один прекрасный день он (видимо, решили мы, полностью войдя в образ могучего рыцаря, каким начал видеть себя с появлением Шебалу) проскочил сквозь прутья калитки и грозно двинулся вперед. Это был день вывоза мусора, и встретились они у мусорных баков на углу.

Кем это, спросил Сили, вытягивая шею и шагая на прямых ногах что твой техасский бандит с пистолетом,

кем себя воображает Штаны с Махрами? Чего это он расшумелся на всю округу?

— Ррр-ав! — сказал Неро и подпрыгнул, расставив лапы, запугивая Сили.

— Дать раза? — спросил Сили и принял боевую стойку. Для чего опустил голову так низко, что почти встал на нее, распушил хвост и начал надвигаться на врага боком, точно краб. На кота дальше по дороге это всегда действовало неотразимо. Не думаю, что это так уж подействовало на Неро. Думаю, на него скорее подействовала я, выскочив из калитки и размахивая метлой, которую захватила из угольного сарая. Но когда Неро обратился в бегство, а Сили погнался за ним, в Долине родилась еще одна легенда. И Сили, и прохожие, наблюдавшие за ним, решили, что он — гроза собак.

— Хорошо еще, что Шебалу в этом не участвует, — заметил Чарльз, когда дня два спустя мы уволокли Сили, когда он в энный раз прицелился триумфально прошеествовать мимо дома Неро.

И он был абсолютно прав. Выпускай мы Шебалу из дома, не только она триумфально шествовала бы с ним, но и шествовала бы впереди.

Никаких сомнений в том, кто в этой компании будет задавать тон, быть не могло. Она прожила у нас меньше недели и уже для начала научилась открывать все двери. С апломбом опытного медвежатника она решительно толкала те, которые требовалось толкать, и тянула те, которые требовалось тянуть, напрягая крохотную лапку, пока не открывалась щель, достаточная, чтобы она могла в нее проскользнуть. И неизменно за ней небрежной походкой следовал Сили в убеждении, что девочки для этого и существуют. Ведь Шеба всегда открывала для него двери.

Куда больше он взволновался, когда обнаружил, что Шебалу отлично лазает. Однажды мы заглянули в окно

оранжереи проверить, как они там, и увидели, что Сили со стула взирает вверх, где под самым потолком Шебалу прогуливается по виноградной лозе, точно канатоходец. Да улети она на Луну, в глазах у него было бы меньше растерянности. Ей ведь нельзя забираться туда? — пожаловался Сили. А он глупый трусишка, беззаботно сказала Шебалу.

Сили, как до него Соломон, оказался заядлым непокорителем высот. Три фута вверх по стволу елки, он срывается и воображает, что взял Эверест. Пока высшим его достижением было ворваться в ванную, кое-как забраться на верх двери по висевшему на ней халату и висеть там в ожидании, когда его снимут. Совсем как Соломон, с тем лишь отличием, что Соломон хотя бы умел забраться на дверь, после чего тут же начинал звать на помощь. А о подвиге Сили нас извещали только топоток, постукивания по двери, а затем зловещая тишина — и мы мчались в ванную как сумасшедшие, зная, что сейчас он висит, цепляясь когтями за верхний край двери, над которым высовывается его нос. Перепугавшись так, что не в силах издать ни звука, а глаза у него от дурных предчувствий круглые, как у совы. В среднем он проделывал это по разу в день, и когда мы спасали его раз и навсегда заведенным порядком — я отрывала его передние лапы от двери, Чарльз приподнимал задние, и таким манером мы опускали его вниз боком к филенке, — он выходил из ванной с таким видом, будто его только что объявили спортсменом года.

После прогулки Шебалу по виноградной лозе ему, казалось бы, следовало предать свои попытки восхождений полному забвению. Но нет! Убежденный — как-никак он родился под знаком Льва, — что он самый-самый замечательный, в чем ему необходимо убеждать всех и каждого, он теперь принялся хвастать своими достижениями пуще прежнего. Днем он взбирался на

виноградную лозу, вечером он покорял дверь ванной... Как-то, когда у нас были гости, он брал эту высоту четырежды. Стук-стук-стук! Мы взмetyаемся, как испуганные фазаны из куста, и мчимся на помощь. Наши гости ничего не знали о сиамских кошках. И поинтересовались, зачем он так упорно забирается туда, если не может спуститься сам. Когда мы ответили, что таким образом он укрепляет свое «эго», они посмотрели на нас как на помешанных.

Однако, если Сили родился под знаком Льва, знаком Шебалу был Телец, а в просторечии Бык, как мы раз за разом убеждались на опыте, когда утром перед завтраком, пока Сили гулял, запирали ее в прихожей, чтобы спокойно поесть.

Но, поскольку Сили с ней не было, она воображала, что он должен быть с нами. И предается тревоугодию! При одной мысли об этом она принималась завывать, реветь и биться о дверь, сотрясая ее, хотя дверь была тяжелая. Билась ли она об нее головой или лапами, мы не знали. Нам было известно только, что никто из наших котят прежде ничем подобным не занимался (Сили в подобных обстоятельствах ограничивался тем, что отдира л внизу прокладку от сквозняков), что звуковой эффект напоминал увертюру «Тангейзера» и что затем грохот сменится паузой. Все ли с ней в порядке? — спрашивали себя мы, затем топоток вверх по ступенькам оповещал, что все в полном порядке, после чего из спальни доносился новый грохот — Телец (он же Бык) атаковал все, что попадалось ему на глаза, несомненно воображая, что перед ним мы.

Мы же снисходительно посмеивались, радуясь такой энергии, такой живости... пока в один прекрасный день, поднявшись по лестнице, я не обнаружила, что Телец (он же Бык) в свободной комнате прыгает со шкафа на пачечки наглицериненных буковых листьев, которые я приготовила для благотворительного базара.

Глицерином меня снабдил благотворительный комитет. Я отвечала за обеспечение буковыми листьями соответствующего киоска. И увидеть, как эта жуткая кошечка нарочно прыгает прямо на них... потом на шкаф и снова на них. Господи, сказала я. И отчаялась.

И отчаялась еще больше, когда увидела, сколько их помято, а то и в круглых дырочках, оставленных зубами. Она явно приземлялась на них не один день. После этого я хранила их на чердаке. Конечно, лучше поздно, чем никогда. Но вот насколько лучше? Когда настало время выставить их на прилавке киоска, вид у них был несколько подержанный... Может быть, я рвала их позже, чем следовало, предположила одна старушка. Видимо, до них добрались гусеницы... И в довершение всего Шебалу приобрела вкус к растительной пище.

Я глазам своим не поверила, когда обнаружила, что взлелеянный мной отводок ломоноса был ощипан до самого корня. Я было погрешила на слизней, но некоторое время спустя увидела, что она, закрыв глаза, сидит на подоконнике и доедает остатки стебля с таким изяществом, словно это была спаржа. Не поверила я им, и когда увидела, что отводок розмарина валяется выкорчеванным возле своего горшка. Но пришлось поверить, когда я водворила его обратно, а потом она снова его выдернула, не стесняясь моего присутствия.

Чарльз сказал, что, возможно, она нуждается в свежей травке. Когда бы так! Я принесла большой пучок и поставила в вазу — специально для нее. Ноль внимания. И не подумает даже посмотреть, сказала она, когда я попыталась показать ей вкусную травку. Было совершенно очевидно, что поедание комнатных растений станет таким же личным развлечением Шебалу, каким для Соломона было раздирание ковровой дорожки на лестнице, свежевание продавленного кресла в прихожей для Шебы и верчение

на спине в глубинах другого кресла для Сили. Что он совмещал с восхождением на дверь ванной.

Все пройдет, когда она начнет гулять в саду, защищал ее Чарльз. А пока можно было подумать, что наши комнатные растения подверглись нападению саранчи, мочалка для мытья посуды навсегда водворилась на каминном коврике в гостиной, а водворивший ее котенок весело резвился по всему коттеджу, явно выдавая себя за Санта-Клауса.

Самой любимой своей игрушкой она выбрала моток мягкой белой шерсти, снабженный колокольчиком и прежде принадлежавший Сили. Она, как мы убеждались с каждым днем, никогда ничего не делала наполовину. Сили было довольно иной раз поиграть мотком, как мячиком, и уж совсем редко — пройти с ним во рту через комнату, когда он был Львом, Несущим Свою Добычу, но к ней моток будто неотрывно приклеивался.

Она тащила его к входной двери встречать молочника. И в ванную (если дверь была открыта) поболтать с Чарльзом, пока он брился. Всех посетителей она приветствовала с мотком во рту, а в тех случаях, когда запаздывала, появлялась с ним в тот момент, когда, как подсказывала ей врожденная способность сиамов показывать товар лицом, можно было произвести наибольший эффект.

— Ах, какая прелесть! — восклицали гости, когда, задрав хвост и гипнотизирующе скосив глаза, она шествовала к ним по ковру (причем путь выбирала наиболее длинный), покачивая белой пушистой бородой.

Да, безусловно. Однако к мотку был привязан колокольчик. И хотя, пока дело ограничивалось гостевыми дозами, звенел он очень приятно — как миленькие японские колокольчики под ветром, ностальгически вздыхала мисс Уэллингтон, — для

обитателей дома звон этот превращался в китайскую пытку.

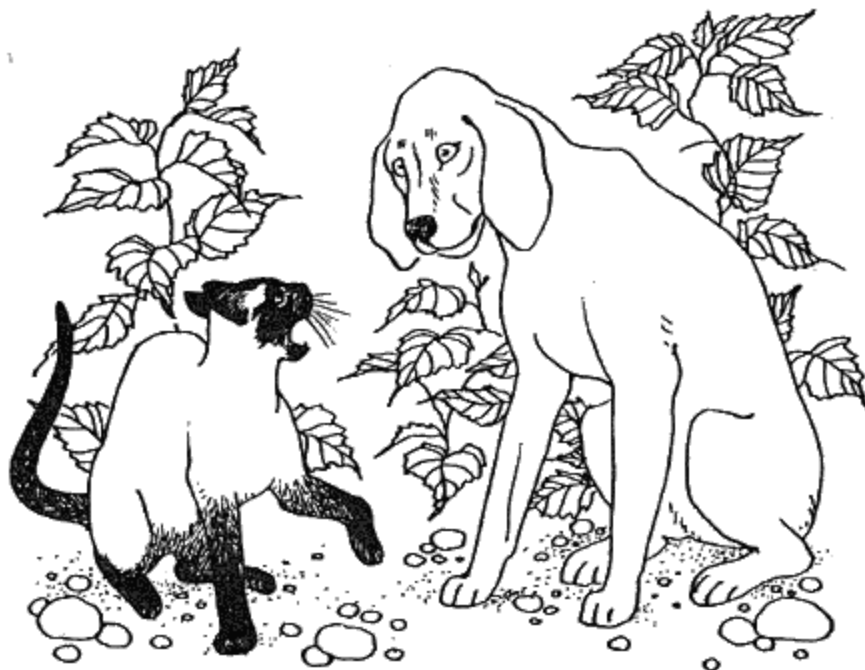
Колокольчик позвякивал с утра до ночи. Иногда еле слышно, иногда очень громко — в зависимости от того, где именно Шебалу находилась в доме. Небольшая передышка, пока она ела или спала, и снова: звяк-звяк-звяк... Под это звяканье она отправилась к ветеринару, когда через две недели храбро согласилась сделать прививку. Под это звяканье мы вскоре повезли ее в Лоу-Нэпп, где ей с Сили предстояло пожить у доктора и миссис Фрэнсис, пока мы не вернемся из Корнуэлла.

Сама эта поездка обернулась пророчеством на будущее. Мы посадили ее в дорожную корзину Сили с проволоочной сеткой спереди. Это поможет ей чувствовать себя увереннее, сказали мы. Она же еще никогда так далеко не ездила. Однако морально поддерживала Сили она, а не наоборот. Он съежился на дне корзины, словно это была повозка, обслуживающая гильотину, а Шебалу весело сидела рядом с ним, словно была кучером. Пока он жалобно хныкал, что У Него Автомобильная Болезнь, стоило нам оглянуться на него через плечо, она смотрела в окно как замороженная. Когда же мы наконец прибыли в Лоу-Нэпп, Сили, который уже бывал там с Шебой, заявил, что кот в соседней вольере на него поглядывает, так, может, мы увезем его домой? Но Шебалу, которой исполнилось четырнадцать недель, вышла из корзины с видом принцессы, оглядела свою будущую резиденцию, вернулась в корзину за мотком, который забрала с собой и положила в углу.

Можете уезжать, если хотите, сказала она нам. За Сили она присмотрит.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ



Впрочем, ее услуга не понадобилась. Он скоро припомнил, где находится. Когда мы вечером позвонили узнать, как и что, он как раз кончал ужинать, а Шебалу — она уже очистила свою мисочку, сказала миссис Фрэнсис, — весело играла со своим колокольчиком.

Когда мы приехали за ними через месяц, сям в соседней вольере венчал, точно статуя Свободы, чурбак для оттачивания когтей, а Сили вызывающе сидел на своем чурбаке — и заметно выше, сказал он. А Шебалу, игнорируя обоих, все еще играла со своим колокольчиком. Наши кошки вели себя замечательно, сказал доктор Фрэнсис, и им их будет не доставать, но этот проклятый колокольчик...

Мы прекрасно его поняли. Трезвон стоял всю дорогу домой. Впрочем, после четырех недель без них он казался нам небесной музыкой.

Однако время отдыха миновало, и настал момент истины. Шебалу стукнуло восемнадцать недель, она рвалась в широкие просторы, и запирасть ее дома мы больше не могли. И, сказал Чарльз, следить за ней придется орлиным взором, учитывая число любителей пострелять среди наших соседей.

Конечно, никто не станет выбирать ее в мишени, но выше по дороге снайпер палит по консервным банкам, наш сосед ниже по холму любит поужинать голубем, тушенным в кастрюльке, а Джон Хейзел на вершине холма время от времени проверял свою малокалиберную винтовку. И если мы не станем следить за ней со всей бдительностью, белый котенок примется лазить по всем деревьям, с пятнадцати шагов ни дать ни взять жирненький голубь.

При одной мысли о подобном я холодела. В начале лета я и сама только чудом уцелела. Мы собирались на пикник. Чарльз выводил машину, а я несла корзину с припасами, и только обогнула угол коттеджа, как в крышу над моей головой вмазал заряд дроби. Упали куски черепицы, пара скворцов, ругаясь, упорхнула в более безопасное место, а я...

— Что происходит! — завопила я в негодовании, прикидывая, не укрыться ли мне за стеной. Предстояли перевыборы в приходский совет, я была одной из кандидаток. Неужели какая-то соперница...

Решив, что скорее это кто-то охотится на голубей, и все-таки оглядываясь на случай, если кто-то вздумал поиграть в ковбоев и бандитов, я громко окликнула Чарльза и направилась к лесной тропе. Никого! Только сонная летняя тишина да тихая пыльная дорога. Когда я рискнула ступить на тропу, сверху, точно снежные хлопья, спланировали два-три перышка. Но стрелка нигде не видно... как и голубей, если на то пошло.

— Старик Сэм с того конца, — сказал Чарльз.

Сэм, владелец Неро, энтузиаст-охотник, выросший в Австралии и еще не привыкший к английским сильно урезанным просторам. Намереваясь хорошенько его отчитать, я с корзиной в руках мстительно промаршировала вниз по склону к дому Сэма... только и там его не оказалось. Лишь полнейшая глубочайшая тишина. Дом дремал в утреннем солнечном сиянии. Над кустом лаванды кружили две желтые бабочки. И никаких признаков Неро, что уже говорило о многом. Он всегда вылетал, как пущенный из рогатки, готовый бурно оборонять свой дом.

Чарльз, потребовав, чтобы я закрылась в коттедже, обыскал все соседние проулки. И там никого. В полном недоумении мы отправились на пикник.

И зря недоумевали. Месяца два спустя Сэм признался, что стрелял он. Из окна спальни — отличное место, чтобы ждать в засаде голубей. И отличное убежище, как он убедился, услышав мои крики, — естественно, он сразу понял, что я не пострадала, поспешил он меня заверить. Тогда он еще был с нами почти незнаком, а потому запер окно, запретил Неро лаять и притаился. Так он прощен? — спросил он.

Да, конечно, хотя он и задал нам загадку. Ну, прямо, сказал старик Адамс, выслушав эту историю, как когда он мальцом был... Жили-то они тогда в Белтоне. А в соседнем селенье — Уитл оно называлось — была каменоломня, — так рабочие тамошние держали голубей и по воскресеньям гоняли их. И сколько же это раз вспоминал старик Адамс свое давнее детство, и глаза его туманились, сколько же это раз велено было ему сторожить, когда появятся голуби, и тут же звать отца.

— Так он же не... не... — сказала я растерянно.

— Да еще как! — сказал старик Адамс — Белтоновцы ребят в Уитле на дух не переносили. Много воскресных обедов пополняли они таким манером. Стояли на

крылечках и били дробью, когда пролетали уитлевские птички. А когда пыхтя являлся фараон по поводу нарушения порядка в день воскресный, все ружья давно были засунуты в печные трубы, а хозяева их знай свои огороды вскапывали...

Нам оставалось только надеяться, что эти воспоминания ни на что его не вдохновят; для полного счастья нам не хватало только, чтобы и старик Адамс принялся палить из окна своей спальни. И как-то вечером мы уже решили, что он все-таки соблазнился... Мы ужинали, на дороге грохнул выстрел. Кошки были дома, Аннабель у себя в конюшне... и после краткой паузы, когда наши вилки застыли на пути ко рту, мы перевели дух и продолжали есть. Минут десять спустя выстрел грохнул снова, и на этот раз я опрокинула чашку с кофе. А попозже, когда я мыла посуду — настолько позже, что я уже перестала ждать новых выстрелов, бах! бах! — вновь грянуло ружье, и я чуть не пробила макушкой потолок.

— Старый идиот! — сказал Чарльз, собираясь пойти и сообщить старику Адамсу, что он о нем думает. Мы знали, что это не Сэм — он уехал по делам. И в этот момент, чтобы совсем уж допечь мои нервы, затрезвонил телефон. Пронзительно, как будильник.

Звонил Джон Хейзел, живший выше по дороге. Мы слышали выстрелы? — яростно спросил он. И, не дожидаясь ответа (Джон, если его вывести из себя, сильно смахивает на хайлендского быка, кидающегося в атаку), сообщил, что чертовы идиоты братья Биггс стреляют по голубям у Трэммелов. То и дело будят младенца и пугают Дженет. С него хватит, сейчас он тоже постреляет!

— Но, Джон, послушайте... — начал Чарльз в сильном волнении.

— Да не в них! — сказал Джон сочным шотландским басом. — Буду стрелять в старую печь для обжига

известии. Пусть-ка сами попробуют, каково это... Только решил вас предупредить, не то подумали бы, что война началась.

Нет, он правильно сделал, что предупредил нас. Бах! — грянул через минуту дробовик братьев Биггс, будя эхо. Уииии! — ответила малокалиберка Джона, точно птица просвистела крыльями. И тррррр! (этого мы не ждали) — прогрохотал вверх по дороге автомобиль — за рулем белый как мел Берт Биггс, а рядом скорчился Эрн.

Остановившись в «Розе и короне», чтобы оправиться от потрясения, мокрые от испарины, они поведали свою историю старику Адамсу, упоенно их слушавшему. Мистера Трэммела голуби совсем допекли, сообщил Берт. Всю его брюссельскую капусту расклевали, это уж точно, подтвердил Эрн. Ну, Берт и прихватил ружьишко... Мистер Трэммел сказал, что можно... Ну, они себе тихо-мирно стреляли с дороги, и тут по ним как начали палить!

— Убийца свихнутый, не иначе, — сказал Эрн, и кружка у него в руке ходуном заходила.

— Самую чуточку по мне промазал, — сказал Берт, что было прямой ложью, но сельские жители без приукрашивания не могут.

— Да, не повезло, — двусмысленно сказал старик Адамс, невинно возведя очи горе.

Больше братья Биггс ружьишка с собой не захватывали. И все же, когда вокруг появилось столько новых соседей, а стрельба по чему попало словно бы превратилась в поветрие, благоразумие требовало не спускать глаз с Шебалу. Уж конечно она, решили мы, будет устремляться на стрельбище при всякой возможности.

На самом же деле не только недели и недели после того, как мы начали ее выпускать, она, очень довольная, оставалась на лужайке, но и, к нашему

вящему изумлению, Сили заботливо оставался с ней. Мы могли оставлять их на несколько минут, а когда возвращались... вот она, заметная, точно подснежник в зимнем саду. Обгрызает листья мышиного гиацинта или деловито изничтожает лаванду, но всегда тут у нас перед глазами. А рядом с ней, исполненный снисходительного обожания, — Сили. Или если он все-таки отлучился (сочтя, как и мы, что ее на минутку можно оставить одну), то не дальше огорода, откуда, услышав наши голоса, тут же прибежал, полный тревоги и бормоча «мрр-мрр-мрр», заверяя себя, что все хорошо.

Только один раз он увел ее на дорогу. Видимо, познакомить с Аннабелью, потому что, когда я стремглав кинулась на поиски, они по ту сторону дороги заглядывали в щели конюшни.

— Домой! — приказала я сурово, и Сили, усвоивший эту команду еще в детстве, виновато проскочил через дорогу и перемахнул через стену.

— Домой! — приказала я Шебалу, и она в желании делать все, что делал Сили, тоже перебежала через дорогу, взвилась в воздух, явно понятия не имея, зачем он это сделал, но не желая от него отставать, — и плюхнулась прямо в ручей. Пустяки, сказала она, выбираясь из воды как ни в чем не бывало. Но Сили, правда, иногда выделяет непонятно что...

Видимо, там было удобно перебираться через ручей. На следующий вечер мы отправлялись в гости. Я сидела в машине с включенными фарами, а Чарльз закрывал ворота, как вдруг через дорогу перед машиной перебежала полевка с быстротой арабского скакуна. Видимо, она поделила с Аннабелью ее ужин, а теперь опаздывала на важное свидание. Точно на том месте, откуда прыгнули кошки, она тоже совершила гигантский прыжок. Вверх, через ручей, блеснув серебряным брюшком в лучах фар, и точно, как метко брошенный дротик, в маленькую дырочку в стене. А

ширина канавы там добрых три фута. Рекордный прыжок для мышки! Надеюсь, сказала я, что кошки там ее не обнаружат. Он уверен, что нет, сказал Чарльз. Мышь, у которой хватило смекалки выбрать жилище, окруженное рвом, любую кошку проведет.

Вот так! Мы вернулись, отдохнув, сезон змей приближался к концу. Шебалу как будто никуда из сада не тянуло, а Сили (нам даже не верилось!) был счастлив оставаться с ней там. И вот в этот-то мирный период нашей жизни мисс Уэллингтон заметила даму с собаками.

Мы не знали, как ее зовут. Просто иногда она проходила мимо коттеджа с четырьмя-пятью собаками. Она казалась очень симпатичной, а собаки — послушными. Иногда они были на поводках, иногда трусили свободно, предположительно подчиняясь сигналам свистка, висевшего у нее на шее, хотя мы ни разу не видели, чтобы она им пользовалась. Бесспорно, они у нее вышколены, сказал Чарльз. А выводить их на прогулку всех вместе — большая экономия времени. Та же мысль, несомненно, пришла в голову и мисс Уэллингтон, потому что очень скоро и она прошествовала мимо с самыми разными собаками на поводках.

Нет, они были не ее. Мисс Уэллингтон холила и лелеяла большого черного кота, который ничего подобного не потерпел бы. Но она любила всех животных. Именно мисс Уэллингтон много лет назад в совершенно ложном убеждении, будто он мало разминается, привела в Долину соседского мастифа и спустила его с поводка. Он выглядел так печально, сказала она, словно обремененный цепями пленник на римском Форуме. А он с места в карьер погнался за Соломоном через огородный парник, так что Соломону пришлось наложить на раненую ногу двенадцать швов.

После этого мисс Уэллингтон сосредоточилась на Аннабели. К счастью, не настолько, чтобы водить ее гулять, но она постоянно приходила покормить ее. И обязательно поджаривала предназначенный для нее хлеб. Как-то раз она объяснила мне почему. Она всегда срезает с хлеба все корки, сказала она. Ведь неизвестно, куда заезжал с ним булочник. А пока я искала, что бы такое ответить на это признание, она добавила, что потому-то и поджаривает все корки, прежде чем принести их Аннабели. Она ни за что не угостит милочку хлебом с микробами.

В результате, хотя Аннабель от всех брала обычный хлеб, вместе со всеми микробами, от мисс Уэллингтон по причинам, известным только ей, непременно требовала поджаренного. Единственный раз, когда мисс Уэллингтон принесла ей половину нарезанного батона, который поджаривать не стала, сказала она, так как его упаковала машина, Аннабель оскорбленно фыркнула и швырнула в воздух все ломти. На мисс Уэллингтон это произвело глубокое впечатление. «Что доказывает», — объявила она.

На этот раз она принесла тосты в сопровождении четырех-пяти разнообразных собак, которых, объяснила она, буквально повисая на поводках, она прогуливает для разных людей, живущих в новых домах.

Идея весьма похвальная, поскольку они принадлежали либо пенсионерам, либо жили в семьях с маленькими детьми, где некому было гулять с ними по будням. Но мисс Уэллингтон была мисс Уэллингтон и вскоре уже принялась спускать с поводков и их, так как ей казалось, что они похожи на обремененных цепями пленных.

И вот как-то утром они, счастливые обладатели собачьих свобод, кружили у ворот Аннабели, которую мисс Уэллингтон потчевала гигиеническими тостами, как вдруг одна заметила Сили, возвращавшегося с

утренней прогулки. Обычно он шел по лесу и успел бы увидеть их, оставаясь невидимым. Но волей судеб на этот раз он спускался прямо по тропе и вышел из-за поворота, как ведущий актер из-за кулис.

И все было бы хорошо, шмыгни он назад. Но воспоминание о том, как совсем недавно ему (по его мнению) довелось расправиться с Неро, было еще свежо, и он остановился, выгнул спину и угрожающе начал спускаться по тропе. И когда одна из собак кинулась на него, остальные последовали ее примеру.

Разыгралась потрясающая сцена. Мисс Уэллингтон засвистела в свисток, но, в отличие от собак дамы со свистком, эти понятия не имели о таких командах и даже ухом не повели... Я, беседовавшая с мисс Уэллингтон через калитку, выскочила наружу и с воплями помчалась за собаками. Чарльз слетел по склону из плодового сада, точно Меркурий в резиновых сапогах. А Аннабель подхватила сумку, которую уронила мисс Уэллингтон, и тосты градом посыпались на землю.

Мы могли бы точно предсказать, что произойдет затем, и не ошиблась. Из-за угла, точно по сигналу, появился старик Адамс с лопатой.

— Чего это тут? — осведомился он с интересом, опершись на нее. — Никак лисью травлю затеяла? А лиса-то где?

Это уязвило мисс Уэллингтон. А я еще подлила масла в огонь (Сили благополучно забрался на дерево, но опасность, которой он подвергся, совсем меня доконала), сказав, что ей следовало бы держать этих собак на поводке или не ходить гулять с ними.

С ледяным выражением (я поняла, что некоторое время она не будет со мной разговаривать) мисс Уэллингтон пристегнула поводки к их ошейникам. С ледяным выражением в следующие дни она проходила мимо, ведя их тесным строем. Вот здорово, сказал Сили,

глядя на них с Шебалу из безопасного приюта на подоконнике. Но мне было грустно. Я испытывала самое теплое чувство к старенькой мисс Уэллингтон.

Через некоторое время, вновь подражая даме с собаками, она появилась, ведя собак и велосипед. С высоким седлом и корзинкой, который, вероятно, простоял у нее где-то много лет. Свернув на лесную тропу, она спустила собак с поводков, села на велосипед, закрутила педалями и, высоко подняв голову, покатила вверх по склону. Собаки припустили за ней, и она выглядела точь-в-точь как участница лисьей травли, но только на колесах, а не верхом.

— Она долго злиться не будет, — сказал Чарльз. — И, во всяком случае, на тропе она и собаки вряд ли кому-нибудь помешают.

Что доказывает, насколько можно ошибиться. Она сумела напугать лошадей, да еще как!



ГЛАВА ВОСЬМАЯ



В том числе и мою. Как-то утром я с друзьями отправилась на верховую прогулку, взяв лошадей в прокатной конюшне. Мы беззаботно ехали легкой рысцей по лесной тропе, как вдруг увидели впереди фигуру на велосипеде.

Я сразу поняла, кто это. Больше никто по лесу на велосипеде не ездит. Что за удовольствие трястись по камням и рытвинам, преодолевать крутизну? Но только мисс Уэллингтон могла докопаться до факта, который нам оставался неведомым: закон предназначал лесные тропы для всадников, пешеходов... и велосипедистов.

Во всяком случае, это была мисс Уэллингтон. Вела свой велосипед в сопровождении собак. Пыль на пропеченной летней жарой тропе они поднимали почище, чем караван в Сахаре. Мы тут же перешли на

шаг, но все равно ее нагнали. Лошади ступали длинными ногами мерно, как верблюды.

— Мисс Уэллингтон, здравствуйте, — сказала я, проезжая мимо, но мисс Уэллингтон будто не слышала.

Я оставила ее позади с грустным чувством, очень жалея, что мы по-прежнему не разговариваем. То есть я полагала, что мы оставили ее позади. Внезапно я обнаружила, что мисс Уэллингтон взгромоздилась на велосипед и теперь яростно крутит педали, подпрыгивая на рытвинах и корнях. Нет, не потому, что одумалась и решила помириться, а потому, что твердо решила не дать себя обогнать.

Мы еще придержали лошадей. Ни людей, ни собак или других животных на рысях не обгоняют. Тем не менее пыль мы поднимали, и мисс Уэллингтон становилась белее с каждой секундой. И она непрерывно жала на звонок. У самых лошадиных хвостов. А тут еще залаяли собаки, и нашим лошадям при всей их выучке это не понравилось. Прижимая уши, вздергивая головы, они нервно прибавили шагу, и, естественно, облака пыли стали гуще.

— Дайте дорогу! — властно приказала мисс Уэллингтон. — Вы слышите? Вы совсем меня запылили. Будьте любезны дать мне дорогу!

Но мы не могли при всем желании. Разве что специально натренированная полицейская лошадь смогла бы послушно остановиться, не обращая внимания на эту дикую какофонию. Мы перешли на рысцу. Мисс Уэллингтон, все еще нажимая на звонок, закрутила педали быстрее. Тесной группой мы мчались по тропе, точно имитируя начало кавалерийской атаки под Омдураманом (естественно, исключая велосипед), в вихрях пыли вылетели наконец на поляну, браво проманеврировали по траве и ускакали по другой тропе, прежде чем мисс Уэллингтон разобралась в нашем маневре.

Лошади, удаляясь от велосипедного звонка и тявкающих собак, понеслись по новой тропе карьером.

— Старая дура! — сказал кто-то. — Не будь эти лошадки глухи даже к бомбам...

Не очень-то они были глухи. Пепе, мой конь, всегда начинал рысь с прыжка, а после концерта, устроенного мисс Уэллингтон, он взмыл в воздух как Пегас. Джаспер, могучий чистокровный вороной, понес бы, если бы не хладнокровие и искусство его всадника.

— Старая дура! — сказал Чарльз, выслушав мой рассказ. — Вот-вот сядет в лужу, помяни мое слово.

Так и вышло. Хотя, к счастью, с велосипеда она в нее не свалилась. Как-то утром она спустила собак с поводков в лесу, одна из них заметила кролика — большая редкость после эпидемии миксаматоза, хотя кролики опять начали размножаться. Три собаки вернулись к ней после погони, а четвертая бесследно исчезла. Я видела, как она с собаками свернула в лес, но не возвращалась она так долго, что я было подумала, не вернулась ли она домой кружным путем, как вдруг она возникла на дороге в сбившейся на ухо шляпке, крепко держа поводки трех оставшихся собак и велосипед.

И она полностью забыла, что мы не разговариваем.

— Я потеряла малютку Мейбел, — сообщила она мне со слезами в голосе. — Не знаю, что мне делать... Она такая старенькая... Что скажет миссис Уорленд?

Видимо, миссис Уорленд была хозяйкой Мейбел, а та, как подсказал мне быстрый взгляд на остальных собак, видимо, была злобным пуделем с торчащими зубами, который первым бросился на Сили. Но ведь Мейбел была чьей-то собакой и могла застрять в кроличьей норе.

Может, она отведет домой остальных собак, сказала я мисс Уэллингтон, а мы с Чарльзом поищем в лесу. Далеко идти нам не пришлось. Позвав Чарльза из

плодового сада, сунув в холодильник тесто для пирога и надев сапоги, я была готова искать сколько понадобится. Но не успели мы свернуть на тропу, как навстречу нам, пыхтя, вылетел мышинового цвета клубок. Щеря торчащие зубы, отчаянно работая ногами в штанишках, как у всех пуделей, Мейбел во всю прыть мчалась домой. Она не задержалась ради нас, не остановилась даже ради нашей калитки, где обычно скапливаются заблудившиеся собаки и лошади, а устремилась вверх по дороге и скрылась за калиткой мисс Уэллингтон. Видимо, ее желудок прозвонил к обеду.

Ни малейшей нашей заслуги в этом не было, но мисс Уэллингтон считала иначе. Когда бы она ни проходила мимо с собаками, Мейбел на надежно пристегнутом поводке получала распоряжение Поздороваться с Добрыми Друзьями, которые Ее Спасли. Мейбел, прекрасно зная, что это чистейшее вранье, вздергивала мышинового цвета губу и рычала на нас. Если же поблизости оказывались наши кошки, мисс Уэллингтон, мужественно пренебрегая грозившей ей опасностью, поднимала Мейбел на уровень плеча, чтобы и она их увидела и поговорила с Милыми Кисоньками. И Мейбел не заставляла просить себя дважды. После чего Сили, вовремя схваченный, проводил следующие полчаса в доме, порывая на верх двери. А то, как мисс Уэллингтон умудрялась опустить Мейбел на землю, не лишившись при этом носа, только подтверждало любимое присловие старика Адамса: «Дурака Бог бережет».

Как бы то ни было, она снова с нами разговаривала, так что худа без добра не бывает. А вскоре она решила больше не гулять с чужими собаками. Слишком уж большая ответственность, сказала она. И ведь после прогулки она впускала собак к себе на кухню, и зимой они все там так пачкали! Так что кризис миновал и все

вернулось на круги своя. Только дама с собаками продолжала прогуливать всю свою свору разом, но они у нее были дисциплинированы, как псы самой Дианы-охотницы. Мисс Уэллингтон опять занялась всякими добрыми делами в деревне, а наши кошки — нам даже не верилось — все еще вели себя безупречно...

Время, пока Сили был котенком, кануло в Лету. Тогда ему не с кем было играть, и он все время отправлялся в одинокие экспедиции. Например, в те дни, когда мы трепетали при мысли о лисьих норах. Мы взяли его с собой, когда пошли осмотреть деревья на верхнем склоне нашего леса, заслонявшие солнце от коттеджа по вечерам. Могучие тополя, которые, по словам Чарльза, не только застили солнце, но и угрожали существованию его фруктовых деревьев. Окапывая яблоню в добрых двадцати ярдах от них, он наткнулся на тополиные корни, оплетающие яблоневые.

Ведь он поливал и удобрял землю в своем саду, вот они и пробрались туда. С одной стороны, это же просто чудо, что корни способны сами искать воду и питательные вещества... продвигаясь под землей, точно кроты, покрыв двадцать ярдов, чтобы добраться до цели... Но, с другой стороны, они обездоливали яблони, а потому тополя следовало срубить.

Так мы стояли, обсуждая, каким образом сделать это, чтобы они не рухнули на яблони, а Сили, все еще толстенький котенок, разгуливал рядом, и вдруг (решив, что мы достаточно поглощены разговором) метнулся через нашу пограничную тропку и скрылся в соседском лесу. Совершенно запущенном. Непроходимый подлесок из кустов терна и низкого папоротника, и Сили исчез там, словно в джунглях.

Я сразу же упала на четвереньки и кинулась следом за ним в ужасе, что такая кроха бродит в одиночестве в краю лисиц. А когда вся исцарапанная и в нитках, выдернутых из свитера, я его обнаружила, мой ужас

при мысли о лисицах удесят�ерился. Сили, такой маленький, такой беспомощный на вид, особенно дорогой мне в эту грозную минуту, стоял внутри входа в лисью нору. В огромной темной зияющей дыре в склоне, которая, судя по еще свежей земле вокруг, была, несомненно, обитаемой и, возможно, выкопанной совсем недавно. И прямо у меня на глазах он скрылся в ней... а едва я закричала, зовя Чарльза, он выпрыгнул из нее. Но ко мне не подошел. Этот участок леса просто изобиловал лисьими норами. А Сили кружил по нему почти на расстоянии вытянутой руки, но только почти! А затем, словно дразнясь, нырнул в другую.

Зная его любопытство, я страшилась, что он отправится исследовать один из ходов. А где-то в конце таится лиса. Возможно, самка с лисятами. Если Сили с ней встретится, ему конец. И вот так, боясь сделать шаг вперед, чтобы он не забрался глубже, я умоляюще звала его, а он каждые несколько секунд выскакивал из очередной норы, вопил мне, Вот же Он, а игра — Лучше не Придумать, верно? И нырял в следующую.

На этот раз нам удалось избежать трагедии, потому что Чарльз, тоже на четвереньках, пробрался сквозь чащобу и притаился за норой, куда скрылся наш неслух. Я с расстояния позвала: «Сили-уили-уили», он снова выскочил подразнить меня и был молниеносно схвачен, прежде чем успел обнаружить присутствие Чарльза.

Пробираться с ним между тернами мы не могли. Он протестовал, свисая у меня со спины, я крепко сжимала его ноги, Чарльз, насколько получалось, раздвигал передо мной ветки, и таким манером мы перебрались с ним через забор на вершине, прошли через луг к воротам и вернулись домой по дороге.

Мы Его Подло Обманули, вопил Сили, делаясь своим негодованием со всей Долиной. Он Сейчас же Туда Вернется, орал он и начал вырываться как бешеный, когда мы поравнялись с местом, откуда он отправился в

лес. Да, вернется, как только Сможет, пообещал он мне, пока, не ослабляя железной хватки, как он ни извивался, я несла его назад в коттедж.

Вот почему я была так довольна, когда мы его выпустили на следующее утро, а он не бросился стремглав в чащобу к лисьим норам, а с невинным видом пошел вразвалочку по лесной тропе. После завтрака я на всякий случай вышла и позвала его. Он возник словно по волшебству, и я не успела заметить, откуда именно. Мне показалось странным, что ноги у него остались сухими, хотя трава была вся в росе, но я тут же об этом забыла. Если анализировать все, что преподносят сиамские кошки, недолго и свихнуться. Главное, он оказался примерно там, где мы его оставили, и, против обыкновения, не отправился странствовать...

Так я решила. Когда днем я, отправив несколько писем, возвращалась с почты, владелица самого импозантного дома в округе (испано-кубистский стиль, и в самой верхней точке деревни) осведомилась, пришел ли он домой. Он навестил ее утром, объяснила она. Сидел у входа в патио, будто жил тут. Однако едва она протянула к нему руку, как он встал и удалился. По дороге через деревню — вот почему ноги у него остались сухими.

Она понять не могла, почему он навестил ее, сказала она. Зато я могла. Ее дом был гораздо внушительнее нашего, и Сили явно нравилось делать вид, будто он обитает там. Точно так же Соломон много лет назад облюбовал новый дом дальше по дороге. Более того, вопреки всем мерам предосторожности, на следующее утро Сили снова пропал. Это, сказал Чарльз, когда мы без толку доползли до лисьих нор и тщетно заглядывали через стенку, окружавшую испанское патио, это уже чересчур. Какой дом, во имя всего святого, этот чертов кот примеривает на себя сегодня?

Оказалось, что Сэма и Дины ниже по дороге. Когда я его отыскала, он сидел там в патио, прикидывая, как он смотрится на таком фоне.

С таким прошлым было просто чудом всякий раз находить его в саду с Шебалу. Даже Аннабель была заинтригована. Она часами следила за ними со своего пастбища на склоне за коттеджем. Губы вытянуты, уши наклонены точно в их сторону, большой белый нос, смахивающий на дверной молоток, придает ей прямо-таки совиную солидность.

А затем в свою очередь Аннабель заинтриговала меня. Сили и Шебалу обосновались на широкой рабатке под самым склоном — Сили разглядывал что-то под дельфиниумом, а Шебалу важно наблюдала, сидя рядом с ним. За рабаткой поднималась высокая каменная стенка, через которую Аннабель обычно заглянуть не может — опорная стена, удерживающая склон, часть которого была срезана, чтобы разбить сад. Однако в этот момент Аннабель смотрела через нее, высоко поднимая голову, точно гунтер шестнадцати ладоней в холке. Я было решила, что грежу, но потом обнаружила, что передние ноги она поставила на муравейник.

Большая находчивость, сказал Чарльз. Кто придумал, будто ослы — безмозглые создания? И ведь сама сообразила, подхватила я. Одно казалось несомненным — мы всегда сможем устроить ее артисткой в цирк.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ



Все шло словно бы гладко. Конечно, от мелких тревог мы избавлены не были. Иногда сдвоенных, как, например, в тот раз, когда Чарльз вернулся из сада и сказал, что у пионов какая-то тварь выкопала нору, сдается ему, что лиса... а на закуску добавил, что Сили в оранжерее взобрался на Шебалу, так мне кажется, это ничего?

Разобраться и с тем и с другим было просто. Яма, сказала я, моя работа: вечером, когда стемнело, я не нашла торфа, ну, и накопала земли для ящиков. А если Сили взобрался на Шебалу, значит, пора ее оперировать. Тем более, сказала я, когда Чарльз сказал, что ей как будто это нравится. Надо сегодня же позвонить ветеринару.

Или тревог ночью, когда мы слышали, лежа в кровати, что Сили ворчит, а затем раздалось

таинственное дребезжание. Чарльз, всегда готовый изгнать взломщика, мгновенно вскочил и схватил трость. Но я осталась лежать. По моему мнению, Сили просто разговаривал сам с собой, как прежде Соломон, а разбуженная Шебалу гоняет свою миску, давая выход досаде. Нет, лучше пойти проверить, сказал Чарльз. Он хочет, чтобы они кинулись наверх и забрались под кровать? Не давали бы нам спать всю ночь?

Поскольку не пустила его я, то исключительно по моей вине мы час за часом, вместо того чтобы спать, убеждали друг друга, что это действительно звякает миска, а не взломщик копается в замке. И только утром мы обнаружили причину всех тревог. Кошки спали на кушетке в гостиной на пледе, под который подкладывалась грелка, а второй плед укладывался валиком, чтобы оберегать их от сквозняков. Я устраивала их постель, Чарльз наливал грелку и бросал ее на кушетку, а я подкладывала ее под плед. То есть обычно. Но накануне меня что-то отвлекло, и грелка всю ночь лежала на их постели. Такая горячая, что на нее не ляжешь, занимая место, которое предназначалось для них... Потому-то Сили ворчал, а Шебалу громыхла миской. Она гоняла ее по всей длине гостиной, потом придвинула к двери в прихожую, откуда до нас было ближе всего, и принялась греметь ею там. То ли чтобы привлечь наше внимание, то ли из чистого злоехидства: раз уж ей не придется уснуть, так уже она позаботится, чтобы и мы глаз не сомкнули.

Глядя, какая она маленькая, беленькая, женственная, трудно было подумать, что она способна лелеять подобные замыслы. Во всех, включая Сили, она вызывала желание ограждать ее от опасностей жестокого мира и казалась такой эфирной, что одно сердитое слово — и она вознесется в сонм ангелов. На самом же деле она оставляла Сили далеко за флагом, когда требовалось подумать. Потому что она появилась

на свет в городской обстановке, объяснял Чарльз. Сили, сказал он, ближе к сельскому джентльмену.

Что до эфирности... ни один котенок не попадал в столько передряг и тут же бодро начинал все сначала, как она. У нее была привычка выскакивать из засады и нестись галопом рядом с нашими ступнями. Об нее спотыкались, на нее наступали, а порой она даже получала пинка. А, Пустяки! — заверяла она нас, вскакивая на ноги и устремляясь вперед. И через секунду-другую с неумолимостью Рока все повторялось.

Иногда мы гадали, не этим ли объясняется ее косоглазие. Сотрясение мозга на второй-третьей неделе, сказал Чарльз подобающе скорбным голосом. Естественно, первопричиной это не было. Косые глаза — наследственная особенность многих сиамских кошек. Но бесспорно, она после столкновения с нашими ногами или другими предметами косила заметно больше. Иногда мы серьезно тревожились.

Однако постепенно мы убедились, что это сопутствует любому стрессу. Она косила, когда сердилась, косила, когда сосредоточивалась на чем-то, косила, когда хотела, чтобы мы достали из ящика ее моток с колокольчиком... Сили всегда емотрел на нас удивительно прямым взглядом, но стоило Шебалу задуматься, и с ней не потягалась бы никакая китайская красавица.

Но как она ни косила, мы уже нежно ее любили, и, когда настал день ее стерилизации, дом словно окутался мраком. Страдала Шебалу, не получив завтрака, страдал Сили, которому пришлось пойти в сад без нее, страдали мы, так как знали, что ей предстоит. Однако сделать операцию было необходимо. Нужна она была нам не ради котят, а как подружка Сили. А стоит сиамским кошкам войти в охоту, то выбор невелик: либо случить их, либо терпеть их безумства, либо стерилизация. Однако, как не обычна эта операция,

всегда есть риск, а siamo особенно чувствительны к анестезии. Много лет назад наша первая кошка Саджи не выдержала операции.

Мрак окутывал коттедж все утро.

— Позвоните в три, — сказал ветеринар, когда мы оставили ее в операционной. — К этому времени она должна очнуться, и мы скажем, когда ее можно будет забрать.

В час мы перекусили. Кофе, сухарики и сыр. Да и их проглотили с трудом. В два часа, изнывая от ожидания, мы сверили часы. Нет, они вроде бы не остановились. Но Чарльз на всякий случай проверил свои еще раз. Ровно в три...

— Звони ты, — сказала я Чарльзу. У меня подгибались ноги, и до телефона я бы не дошла.

С ней все в порядке, сказал ветеринар. Конечно, еще не совсем пришла в себя после наркоза. Можем забрать ее в шесть часов.

— Как есть хочется! — воскликнула я, когда Чарльз сообщил мне все это, а он сказал, что умирает с голода.

Теперь к ветеринару мы мчались совсем в ином настроении, шурша между живыми изгородями, отливавшими красной медью. Ведь наступила осень, и листья начинали опадать. Солнце, опускающееся к дальней границе луга, дымок, лениво вьющийся над трубой коттеджа, — какая была в них прелесть! Все вокруг дышало миром и спокойствием, и они же царили в душе у нас теперь, когда мы знали, что с нашей девочкой все хорошо.

И она, когда мы ее увидели, выглядела даже лучше, чем мы надеялись. Сидела в корзине и смотрела на нас безмятежными миндалевидными глазами. Все прошло прекрасно, сказал мистер Хорлер. Но все-таки посоветовал нам оставить ее в корзине на ночь. Не следует ее выпускать, как бы она ни просила. Впрочем, вряд ли ей захочется выйти, она же еще очень слаба...

И мы осторожненько отвезли ее домой, поставили корзину у огня, впустили в гостиную Сили в роли посетителя послеоперационной палаты. А он вместо того, чтобы опасливо ее обнюхать — мы не сомневались, что запахи наркоза и антисептических средств его насторожат, — тут же просунул большую черную лапу между прутьями и дал ей пару хороших тычков. Мы кинулись оттащить его, а из корзины высунулась во всю длину голубая лапка, чтобы отплатить ему тем же. Ну Так Вылезай же, нежно мрр-мррмыкнул Сили, маняще опрокидываясь на спину. Да Если бы она Могла, уоуоукнула его голубая подружка, тоже опрокидываясь на спину.

Нет, мы думали позвонить Хорлеру. Он, зная нас и нашу способность создавать критические ситуации, скорее всего сидел дома в ожидании нашего звонка. Но вдруг он сказал бы, что выпускать ее из корзины никак нельзя? Тогда она наверняка сорвала бы все свои швы.

— Выпускаем! — решил Чарльз. — Если придется позвонить ему позже, так позвоним.

И мы открыли дверцу корзины. Она, пошатываясь, вышла наружу и — видимо, она только этого и хотела — весь вечер пролежала у огня в царственной позе, словно ее библейская тезка (конечно, без добавочного «Лу»).

Мы разговаривали с ней. Сили ее умыл. Он никак не мог понять, куда она делась, озабоченно промрр-мррмыкал он. И неизвестно, сколько дней пройдет, прежде чем она будет пахнуть как полагается. Блики огня ложились на ее шерсть, а когда мы смотрели на нее, она удовлетворенно скашивала глаза. Приятно вернуться домой, сказала она.

Все было прекрасно, пока не пришло время ложиться спать. А тогда, решив, что ей будет лучше спать одной — как-никак официально ей полагалось находиться в корзине, — мы устроили ей постель на

каминном коврике, рядом поставили воду и ящик с землей, подхватили на руки Сили, который просто не мог поверить своей удаче, и направились к двери. Шебалу тут же встала и, шатаясь, побрела за нами. Без единого звука, но с решимостью, от которой сердце щемило, преодолеть долгий тяжкий путь через всю длину комнаты. Мы уже подстраивали такое: в Первый ее Вечер Здесь, упрекнула она Чарльза, когда он бросился подхватить ее на руки. Почему мы ее бросаем? Мы ее не любим? В чем она провинилась, что мы хотим оставить ее здесь совсем одну?

Взять ее к себе в таком состоянии мы не могли. А что, если ей вздумается спрыгнуть с кровати? А потому нам пришлось оставить с ней Сили служить ей утешением. Ночью мы дважды спускались удостовериться, не вздумал ли он утешать ее, затеяв борцовский поединок или брыкая ее в живот. Именно так Чарльз истолковывал царившую внизу тишину. Но оба раза они лежали у огня: спинкой она прижималась к его животу, головой — к его шее, и к нам оборачивались две мордочки, точно два покрытых шерстью ангельских лица. Сили зажмурился, обнаружив нас. Он же о ней заботится, сказал он. Утром она будет как новенькая.

И он не ошибся. Она встала к завтраку и принялась за еду с волчьим аппетитом. И только мы решили, что можем передохнуть, как обнаружили, что крыша протекла. По вине скворцов, которые несколько лет назад сменили галок, обитавших в трубе каминной свободной комнаты. Труба бездействовала — камин под ней заложили давным-давно. А мы чувствовали себя польщенными, оказывая гостеприимство галкам. Эта парочка выводила в трубе не одно поколение птенцов и, несомненно, считала нас друзьями. Когда же в одну прекрасную весну их сменили скворцы, я испытала разочарование. Когда я в детстве жила в городе,

скворцы мелькали повсюду, а вот галки были редкостью. И в Долине наша пара была единственной. Куда они подевались, мы так и не узнали. Возможно, нашли трубу, которая показалась им солиднее, сказал Чарльз. Ну, как Сили влекут чужие патио. Как бы то ни было, на их место водворилась пара скворцов, больших собственников, и мало-помалу вокруг них образовалась преуспевающая колония, так как птенцы, вырастая, не покидали родительских владений и просто заселяли нашу крышу, когда в трубе стало тесновато.

Все это сильно напоминало полотно Брейгеля, изображающее деревню, только со скворцами вместо людей. Птицы вылетают из трубы (исходная пара предположительно все еще жила в скворечной штаб-квартире); птицы выпархивают из-под скатов крыши; а некоторые так и из желобов. Эти последние появлялись из таких маленьких отверстий, что протискивались в них на животе. Просто страх брал смотреть, как они напрягаются и цепляются лапками, а в дни витья гнезд, когда они носили туда строительные материалы, у них, наверное, никаких сил не оставалось. То одна птица, то другая роняла свой груз прутиков, пытаясь пропихнуть их в отверстие, и постоянно из желоба на нас посматривал кто-то со взъерошенными перьями, только что выбравшийся наружу и, судя по наклону его головы, возмущенный тем, что мы не обеспечили отверстий пошире.

Судя по стуку, не умолкавшему под крышей, жильцы с запросами занимались улучшением своих жилищных условий, и я только диву давалась, почему они сами не расширяют входные отверстия. Это, сказал Чарльз, показывает, насколько они сообразительны. Они ведь знают, что у нас водятся кошки, а потому нарочно довольствуются маленькими отверстиями. Они не хотят, чтобы сиамские кошки добирались до них сквозь желоба.

А ведь тогда им нечего было тревожиться. Тогда еще была жива Шеба, и, хотя в дни юности ей ничего не стоило взобраться на крышу (сколько раз она вскарабкивалась туда с задней стороны, распушив хвост, шествовала к трубе и начинала тереться об ее угол), теперь она состарилась, и дни альпинизма миновали. Ну, а Сили с его-то отношением к высотам помышлял забраться на нашу крышу не больше, чем на стоэтажный небоскреб. Иногда, проходя под желобом, он поглядывал вверх, и кто-нибудь пялил на него глаза-бусины и спешил обругать. А один раз (мы спрашивали себя, не нарочно ли?!) на него уронили прутики, вместо того чтобы вить из них гнездо. А Сили сделал вид, будто ничего не произошло. Вроде бы дождь пошел, сказал он.

Чарльз сказал, что скворцы ему нравятся. Отдаю ли я себе отчет в том, спросил он, что они принадлежат к наиболее умным птицам в мире? Что они одни из немногих птиц обладают двумя полушариями мозга — особенностью, которую делят с человеком? Что в отличие от подавляющего большинства мелких птиц они ходят, а не прыгают? Нам представляется чудесная возможность, если только мы ею воспользуемся, изучать их с близкого расстояния.

Да уж! Они будили меня по утрам, демонстрируя свою способность ходить на чердаке над нашей спальней. Одного из них, видимо, снедало честолюбие: он часами семенил взад-вперед, взад-вперед. А тот, который вздумал расширить свое жилище, тоже усердствовал — стучал, стучал, стучал, совсем как человек с молотком.

Вероятно, выклевывал куски старой штукатурки, чтобы сделать углубление для гнезда, сказал Чарльз. Там ее еще, наверное, много осталось. Он не мог понять, почему я волнуюсь. Ведь обрушить крышу они никак не могут.

Зато следующая по трудности задача оказалась им вполне по силам. Получив полную свободу действий, поскольку поселились под кровлей любителя птиц, перестраивая то да се по своему усмотрению, они в конце концов пробили себе вход у основания трубы, о чем мы узнали, только когда зарядил дождь.



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ



Вообще-то самым простым способом, выковыряв две черепицы. При обычных обстоятельствах мы, конечно, сразу бы заметили пятно сырости на потолке, вернули бы черепицы на место, чем все и закончилось бы. Да только дождь не просто пошел, он хлынул так, будто разверзлись хляби небесные. Проснувшись утром, мы обнаружили, что ручей вышел из берегов и по дороге неся бурный поток, грозя смыть ее покрытие.

Мы так захлопотались с этим, стоя по колено в ледяной воде, прочищая дренажные трубы, убирая завалы из канав, чтобы вернуть ручей в его законное русло, что прошло несколько часов, прежде чем я (все еще не позавтракав) поднялась в спальню переодеться во что-нибудь сухое, услышала плеск в свободной комнате и обнаружила, что дождь ворвался в дом.

С потолка текло, вода сползала по шнуру люстры и капала на сиденье кресла. Чарльза вовсе не обрадовала необходимость лезть на крышу, все еще не позавтракав, и укладывать черепицы на место. Тем более что пока он сидел верхом на коньке, одной рукой обнимая трубу в уповании, что она не обрушится, мимо прошла мисс Уэллингтон и крикнула ему:

— С крышей что-то случилось?

— Нет, — донесся до меня ответ Чарльза. — Любуюсь видом.

Он совершил большую глупость, как я не замедлила ему сказать, когда он слез с крыши. Ведь мисс Уэллингтон ему, конечно, поверила и поспешит сообщить об этом всей деревне.

Впрочем, все хорошо, что хорошо кончается, как устало сказала я некоторое время спустя. Мы только что поели, и я затопила камин, а в прихожей зажгла керогаз, чтобы и там все подсушить. Ведь Чарльз сказал, что пока лучше электричеством не пользоваться, ведь проводка могла отсыреть и произошло бы короткое замыкание. Вот мы и сидели — Чарльз в своем кресле, я на каминном коврике, прислоняя голову к кушетке. Сили устроился у меня на коленях, Шебалу прижималась к моим ногам, и все мы блаженно расслабились.

Разумеется, мы заснули. После трудов в ручье и на крыше тепло от огня убаюкивало. Потом я открыла глаза и подумала: «Странно! Камин дымит. Но ведь ветра почти нет». Ничего, сейчас перестанет, решила я и закрыла глаза снова. Помочь я ничем не могла, а все тело у меня ныло от усталости.

Попозже я снова открыла глаза. Комнату словно затягивал сизый туман. Я с трудом различила шкаф по ту сторону комнаты, а Шебалу у моей ноги, всегда такая белоснежная, выглядела совсем серой. Она тоже приподняла голову и недоуменно нюхала воздух.

Видимо, пока мы спали, камин дымил как нефтеналивной танкер. «Нефтеналивной танкер!» — подумала я и в ужасе вскочила, наконец сообразив, в чем дело.

Я не проверяла прихожую после того, как зажгла керогаз, и он коптил почти два часа. Прихожая и лестница полностью закоптились, паутина свисала черными кружевами, гостиную покрывала сажа, как и спальни наверху. Шебалу оставалась серой еще много дней, как мы ни чистили щеткой ее шерсть. Как здорово, что на нем ничего не видно, заметил Сили, с интересом наблюдая за этой процедурой.

Зато на всем остальном копоть была очень даже заметна. На коврах, занавесках, покрывалах. Я же смахивала на актера, загримированного под Отелло. Естественно, со временем я все отчистила, но, как обычно, никакого урока из случившегося не извлекла. Произошло это почти сразу после операции Шебалу, и как-то утром мне позвонила приятельница узнать, как она там.

— Прекрасно, — отрапортовала я радостно. После чего мы обсудили грозовые ливни, и я поведала ей историю сажепада, и обе мы булькали от смеха, как водопроводные трубы. Она сказала, что вот и у нее был точно такой же случай, и теперь мы посмеялись над ее злоключениями.

— Ну, слава Богу, теперь все хорошо, — сказала я на прощание и положила трубку, чтобы снова заняться приготовлением завтрака.

Я не раз повторяла, что из уроков никакой пользы не извлекаю. Помнится, после болезни Соломона кто-то позвонил и справился, как он поживает. «Теперь прекрасно», — ответила я вот так же радостно, и, положив трубку, вошла в гостиную как раз вовремя, чтобы увидеть, как Соломон приветственно задрал хвост возле самого электрокамина. К счастью, на

камине была предохранительная решетка, но через пять секунд после того, как я сказала, что все хорошо, по комнате разливался смрад паленой шерсти, а хвост Соломона приобрел тигриные полосы, которые исчезли только через несколько месяцев.

И вот теперь, когда я опять прошла через ту же дверь, меня вновь обдало запахом гари, а в кухне на сковородке, так и стоявшей на огне все это время, чернели обугленные остатки яичницы из двух яиц, а вокруг стоял густой чад. И это на кухне, которая единственная оставалась чистой, когда неделю назад керогаз прокоптил весь дом.

Я выключила горелку, открыла заднюю дверь, чтобы выпустить дым — и тотчас в ней, будто ошарашенный джинн, возник Чарльз и объявил, что Шебалу избавилась от швов. Не от всех, как я убедилась, кинувшись к ней. Она сняла крайние, но средний все еще стягивал разрез. Пока мы ее осматривали на кухонном столе, она выглядела чрезвычайно довольной собой. Мы решили, что раз до официального снятия швов осталось всего два дня, то с ней ничего не должно случиться, если мы будем оберегать ее от волнений и не давать ей лазить по деревьям.

Мы строго-настрого ее предупредили, опустили на пол... и Шебалу стрелой вылетела в открытую дверь вместе с дымом, взбежала по склону холма и, без сомнения, наслаждаясь тем, что швы уже не стесняют ее движений, тут же забралась на сосну. Ближе к вечеру она свалилась с рояля. Но удача была на нашей стороне — оставшийся шов выдержал.

Так был преодолен еще один барьер, и мы предвкушали период тихой домашней жизни — мы вернулись после отдыха, Шебалу благополучно стерилизована, в саду пока практически нечего делать, а впереди уютные зимние вечера у камина с соседями и

друзьями. Летом у нас просто не хватало времени для гостей, и как приятно будет вновь приглашать их!

С двумя кошками и Чарльзом, когда надо готовиться к приему? Хм-хм! Помню день, когда должны были приехать гости, и я достала пылесос для наведения окончательного глянца, а в его вилке не оказалось одного стержня. Так вот что это была за длинная медная штучка, которую я накануне утром подобрала на лестничной площадке! Но куда же я ее положила? На полку в спальне? Я даже ясно увидела, как кладу ее туда. Но ее там не оказалось. Ну да, конечно! На шкафчик в свободной комнате! Но когда я пошла за ней туда, то и там она не лежала. Ни на серванте в гостиной, ни на комодке в прихожей. А потому, имея в запасе час, я принялась ползать по полу с ручным пылесосом. В сопровождении двух изнывающих от любопытства кошек, которые держали носы низко-низко, точно ищейки.

Что я ищу? Мышь, которую он потерял? — спросил Сили. До чего же интересно, сказала Шебалу с увлечением. Неужели же я не помню, что я сделала со стержнем? Это сказал Чарльз. При порядках в этом доме, сказала я, нет и нет. Еще чудо, что иной раз я хотя бы знаю, где нахожусь сама!

В конце концов я все-таки кончила уборку гостиной, ужин был приготовлен, блюда расставлены на шкафах и в холодильнике... Когда в доме два Шерлока Холмса, лучше не рисковать. И во время ужина не забыть выставить их в прихожую, подумала я. Меньше всего нам нужно повторение того, что произошло в прошлый раз, когда у нас были гости.

Тогда Сили добровольно уединился в прихожей, следя за существами, которые мелькали в лунном свете на дороге, и мы позволили Шебалу остаться с нами, пока мы пили кофе с легкими закусками. Явно гордая оказанной ей честью, она тихо сидела перед огнем,

подобрав под себя лапки с видом Совсем Взрослой Кошки, размышляющей о важных вещах.

То есть пока мы не поставили столик над ней.

— Пожалуйста, не тревожьте ее, — попросили наши гости. — Такая милочка... Нам она нисколько не мешает.

Несколько минут спустя милочку застукали за кражей масла. Стояла на задних лапках, а на носу у нее красовался его комочек.

— Право, не надо! — рыцарственно запротестовали наши друзья, когда я взяла масленку, чтобы сменить масло, но не оставлять же кусок весь в узорах, нанесенных зубами котенка!

Значит, не забыть... Ванную я довела до блеска, фаянс сияет чистотой, на полу ни пятнышка, на вешалке чистые полотенца... И естественно, тут же возник Чарльз, будто я открыла сюрпризную коробочку. Он все закончил в саду и теперь готов принять ванну.

Ни в коем случае, заявила я. Ведь Аллинсоны будут здесь через полчаса. Ну, и он без спора просто умылся, и мне надо было всего лишь отмыть раковину, сменить полотенца, подобрать комья земли, упавшие с его сапог, заново отдраить пол, и все было прекрасно. Вот только когда я вешала чистые полотенца, в ванную влетели кошки, устроив гонки под лозунгом «К нам едут гости!». Сили без передышки вскарабкался на меня, и я уронила полотенце в унитаз.

Ладно, подумала я, доставая новые полотенца и не желая сдаваться, самое время заняться керосином для керогаза в прихожей. Теперь он работал безупречно, а вечер выдался очень прохладный. Но сходить за керосином в гараж надо самой. Чарльз переодевается, и его не следует отвлекать.

Ну, я и пошла. В гараж я заглядываю редко — представления Чарльза о том, куда и как следует размещать хранимое там, приводят меня в отчаяние. И

на этот раз я вернулась даже в еще большем отчаянии, чем обычно, хотя умудрилась отыскать керосин.

— Это там что, ловушки для грабителей? — сказала я.

— Какие еще ловушки? — спросил Чарльз, которому гараж рисуется эдаким гибридом операционной и машинного отделения океанского лайнера.

— Да кирпич прямо против боковой двери, — сказала я. — Так что входящий наступает на него и чуть не вывихивает лодыжку.

— Этим кирпичом, — с достоинством объяснил Чарльз, — подпирается дверь, когда нужно держать ее открытой.

— А доски, сложенные за кирпичом, через которые надо перелезть, словно через баррикаду, чтобы попасть внутрь?

Они, объяснил Чарльз, предназначены для строительства новой конюшни Аннабели. Привезены готовыми со склада, чтобы были под рукой, когда они ему понадобятся.

— А ручка от метлы, на которую наступаешь, перебравшись через доски?

Она, с праведным упреком в голосе заявил Чарльз, приготовлена, чтобы унести ее и сжечь. Он производит уборку в гараже. Ведь я вечно жалуюсь на беспорядок там.

Онемев, я наполнила керогаз, сняла чехольчики, которые мы обычно надеваем на ручки кресел, чтобы предохранить их от кошачьих когтей, поставила на сервировочный столик... нет, не блюда с угощением — они по-прежнему оставались на шкафах — но чайную посуду, ножи, вилки, ложки и кувшинчик для сливок из граненого стекла. И тут (так я и знала!) вновь появились кошки.

Только посмотрите, что Она нашла, сказала Шебалу. Симпатичные желтенькие ручки кресел, которые еще

не пробовали когтей. Только посмотрите, что нашел Он, донесся знакомый голос из коридора. С сервировочного столика убрали все книги, и можно скакать по его полкам... будем цирковыми кошками

Ну и конечно, еще одни гонки. Через ручки кресел, сквозь сервировочный столик, а заодно через посуду. Но, к счастью, ничего не разбилось. Собрав их в единый большой блюпойнтский и силпойнтский клубок, я заперла их в прихожей. И тут же Чарльз отправился наверх и выпустил их.

Вот что, сказала я, хватая Шебалу и снова утаскивая ее в прихожую и водворяя на комод. Я занята. Неужели она не может вести себя прилично? Или она хочет угодить в приют для плохих кошек?

Как? Она? — спросила Шебалу, кокетливо почесываясь о вазу с цветами. Чашки опрокинул Сили! А она — Хорошая Девочка, она Паинька, добавила она и вновь почесалась о вазу для счастья.

Оставалось только пожалеть, что ей вздумалось демонстрировать свою непричастность ни к чему дурному возле моего букета. Он отнял у меня целую вечность, настолько я не способна к подобным вещам. Несколько буковых веточек с листьями, оставшиеся после приготовлений к благотворительному базару, несколько огромных экзотических бумажных маков... два-три стебля ворсянки с шишками и несколько засушенных ахилей... И выглядел он очень неплохо, пусть это говорю я сама... пока Шебалу, усердно демонстрируя, какая она хорошая девочка, не обошла вазу, так что задранный хвост нежно поглаживал стебли — и весь букет, очень легкий, развернулся следом за ней на сто восемьдесят градусов.

Но и это был еще не конец. Быстро подправив букет — хотя, конечно, он выглядел уже далеко не так, как прежде, — я успела к сроку, приехали наши друзья,

кошки были закрыты в прихожей, пока мы ужинали, как и полагалось по плану.

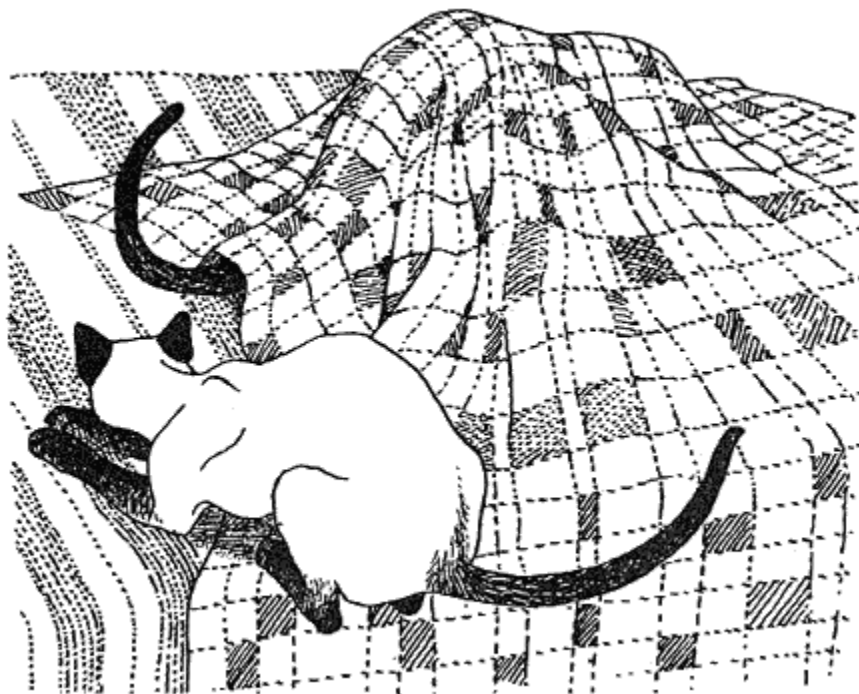
Нет, через некоторое время я услышала глухой удар, но, поскольку тут же раздался топоток, я решила, что ничего страшного не случилось. Может быть, Шебалу опять слетела с рояля. Или Сили Отрабатывал прыжки с кровати.

На самом же деле Шебалу окончательно расправилась с моим букетом. После ужина наша гостья вышла за своей сумочкой, а вернувшись, сказала, что на полу в прихожей что-то валяется. Я пошла посмотреть. Обрывки листьев и опрокинутая ваза. А букет упал за комод... Или его туда толкнули?

Но как это могло случиться? — невинно сказала Шебалу, спускаясь по лестнице, пока мы смотрели на следы погрома. Искусственные цветы такие легкие, в этом вся беда. Затем она в сопровождении Сили вошла в гостиную. Тут ведь все их заждались, сказали они.



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ



И все-таки именно этого мы и хотели. Настояния Сили, чтобы завтрак ему подавали в оранжерею, хотя лето уже кончилось... возня Шебалу с мочалкой для мытья посуды, и с ежиком для чистки кастрюль, и (ее последнее увлечение) с яичными скорлупками, которые она умыкала, прежде чем я успевала выкинуть их в мусорное ведро, а затем расхаживала, сжимая их в зубах — Зловещая Белая Кошка Джунглей с добычей в пасти, — после чего, решив, что мы перестаем ею любоваться, брезгливо заталкивала их под кресло в доказательство, какая она женственная и аккуратная... вот ради этих проявлений индивидуальности мы и обзавелись сиамскими кошками. Правда, иногда нам хотелось, чтобы индивидуальность эта была не столь уже яркой... Вот, например, держа миску высоко, словно официант — бутылку марочного вина, я на каждом шагу

во весь голос провозглашаю «завтрак для Сили», ибо это входило в ритуал, иначе он не пошел бы впереди меня, вопя во всю мочь, что это его, его Завтрак; и вот маленькая процессия из крупного сиамского кота и меня огибает угол по пути к оранжерее навстречу бешеному ветру или ливню, а на дороге кто-то сидит в машине и смотрит... Какая неловкость меня охватывала! Как и тот момент, когда наши гости отодвигали кресла, вставая, и — как тщательно я там ни подметала — обязательно открывалась сиротливая яичная скорлупка.

Зато выпадали минуты, когда они выражали свою любовь к нам. Чарльз читает, Шебалу примостилась у него на плече, притворяется, будто читает вместе с ним, а глаза у нее до невозможности скошены от полного блаженства.

Или Сили отыскивает меня в припадке нежности (одно из проявлений его индивидуальности), вскакивает на спинку кресла или на стол, чтобы оказаться повыше, встает на задние лапы, а передние кладет мне на плечи. Потом зажимуривает глаза и принимается тереться головой о мое лицо — мягонько-мягонько вниз по одной щеке, потом по другой. И так — то по одной щеке, то по другой — и так, меняя щеки, долго-долго. Генерал де Силь, окрестил его Чарльз. И правда, это походило на церемониальный поцелуй.

И они были так привязаны друг к другу! Разговаривали, звали, когда оказывались в разных местах, лежали рядышком у камина, переплетя вытянутые лапы. Впрочем, теперь Сили иногда спал и в доме под пледом — что прежде случалось только в вольере. Может быть, он готовится к холодной зиме, гадали мы. Или хочет немножко отдохнуть от Шебалу, которая, если не спит сама, никогда не оставляет его в покое.

Он делал вид, будто его сердят ее приставания — прижимал уши, прыгал на нее, яростно отвечал укусом на укус. Просто немыслимо, что Себе Позволяют Дети, жаловался он удрученно. И тут же ушел бы в трактир, но только он не употреблял алкогольных напитков.

Все это происходило, когда мы были поблизости. Если же он полагал, что мы его не видим, из-под пледа высовывался хвост и начинал заманчиво раскачиваться, точно маятник, и Шебалу в восторге прыгала и гонялась за ним. Ни о каких трактирах и речи не было. Зато, чуть только Шебалу начинала терять интерес к игре, наружу высовывалась черная лапа и провокационно тыкалась в нее.

Вот так мы и жили в приближении зимы. И если прохожих изумляло то, как я торжественно вела Сили под дождем и ветром завтракать в оранжерее, еще больше должен был интриговать их Чарльз, переселявший своих рыбок. Выкапывая пруд, он сделал середину глубокой и обложил ее камнями, а по другую сторону этого барьера расположилась кольцевая канавка шестидюймовой ширины. Обычно пруд был наполнен по края, и рыбки могли пользоваться им всем. Что они и делали: нежились под листьями кувшинок, изящно проскальзывали над каменным барьером. Возбужденно гонялись друг за другом по кругу с внешней стороны. Однако, когда (и если) они метали икру, чему мы всячески способствовали, располагая водоросли на мелководье, уровень воды в прудике понижался, взрослые рыбы оставались внутри каменного барьера, а за ним на мелководье икре, а затем и малькам их покушения не угрожали. То есть в теории. На практике же, поскольку рыбы нерестятся главным образом после весенних и летних дождей, которые обогащают воду кислородом и вообще вносят оживление в рыбью жизнь, нам никогда не удавалось понизить уровень воды на достаточное время. Дождь

тут же вновь его повышал, и рыбы перебирались через барьер, извиваясь на боку или на животе, что отнюдь не шло им на пользу. Затем либо следовало каннибальское пиршество, либо, если мы успевали их опередить, икра вычерпывалась чайной ложкой, и дальнейшее ее развитие происходило в банках.

Собственно, на мелководье они только устраивали гонки, метали икру и — зимой — вмерзали там в лед. Как мы ни вычерпывали воду, стараясь, чтобы зимой они оставались внутри каменного барьера на глубине, вскоре вновь начинался дождь, вода поднималась выше барьера, рыбы перебирались за него, а ночью ударял мороз, и они оказывались в ледовом плену. Мы их спасали, отогревали в чуть теплой воде и возвращали к их более мудрым сородичам в середине прудика. Но слишком часто лед или камни повреждали защитный слой слизи, и с потеплением на этих местах развивался грибок, так что рыбы погибали.

Чарльз питал нежную привязанность к своим рыбам, выращивая их от дюймовых мальков до прекрасных жирных, королевских размеров, карпов, и твердо решил, что в эту зиму не потеряет ни единой. Он заберет их в дом, заявил он. Куда? — спросила я, уже видя, как всю зиму они плещутся в ванне. Что-нибудь придумаю, сказал он. И конечно, придумал.

Если прохожие (а садовая стена была невысока, и все, чем мы занимались снаружи коттеджа, публика могла наблюдать, точно актеров на сцене театра шекспировских времен)... если прохожие недоумевали, почему с крыши нашего угольного сарая свисает рыболовный сачок (рыбки эти похитрей форели, говорил Чарльз, и поймать их можно только врасплох)... если они удивленно разевали рот при виде Чарльза, когда он, изловив одну, мчался через сад с сачком наперевес... если все это их ошеломяло, так они были уже совсем ошарашены, если бы могли заглянуть в

оранжерею, где красовался очередной плод вдохновения, посетившего Чарльза, — рыбы кружили в бочке из-под сидра. Весной он купил их четыре — огромные, стянутые железными обручами, высотой почти шесть футов и до небес разящие местным сидром. Распиленные пополам по его просьбе, они, как считал Чарльз, великолепно подходили для выращивания черники. Почва у нас известковая, а черника нуждается в торфе, так что все это было крайне логично. Но только, как обычно, прохожие об этом не знали, и появление у наших ворот восьми внушительных полубочек из-под сидра породило всяческие предположения.

— Так для чего же это они? — спросил старик Адамс. И даже он утратил дар речи, когда я объяснила. Эрн Биггс нашел объяснение сам и растолковывал людям, что они предназначены для моего домашнего вина. Лошади, рысившие мимо, артачились, люди приходили поглазеть, и версия Эрна Биггса словно бы подтверждалась тем фактом, что наш сад, казалось, был окутан спиртными парами, и я из-за них готова была сквозь землю провалиться. Даже когда Чарльз ценой больших усилий перекатил семь в плодовый сад, люди все равно приходили и строили догадки.

— Думаешь, они и вправду в них вино делают? — услышала я как-то.

— А может, в них виноград давят, — донесся раздумчивый ответ.

В конце концов, стало очевидно, что Чарльз что-то в них выращивает. Естественно, всем захотелось выяснить, а что именно, и, проходя, все старались заглянуть в плодовый сад.

— Голубика с холмов, — заключил Эрн, понятия не имевший о культурных сортах черники.

Ну, они покачивали головами и лишний раз записывали нас в помешанные. Кто же это станет

выращивать тутошные кустики в бочках из-под сидра? И конечно, оставалась еще восьмая, зияющая пустотой у дорожки. Она оставалась там все лето и осень, ожидая, когда же Чарльз заберет ее. Забрать-то он ее забрал, но теперь ее было видно в окно оранжереи.

Эрн был возбужден сверх всяких пределов.

— Значит, винцом занялись? А каким? Из пастернака? — осведомился он, вытягивая шею над калиткой.

Я предпочла скрыть от него, что мы держим в ней рыб. Только Богу известно, что он насочинял бы тогда! Но теперь они обитали там, и... возможно, мне просто чудилось, но плавали они вроде зигзагами.

Во всяком случае, от капризов погоды они были защищены. А Сили, завтракая там, их не замечал, Шебалу же оранжерея зимой не интересовала. Если не считать коротенькой утренней прогулки, она все время проводила в доме. Сводя нас с ума трезвоном колокольчика на мотке, который она постоянно таскала во рту, если только не буксировала мочалку на ручке или не прятала яичные скорлупки под креслами. Ну, точно девочка с любимой тряпичной куклой.

А моток был теперь другой. Первый хотя бы бросался в глаза. А этот, старый, принадлежал Сили, раньше же им владел Соломон, и она сама его отыскала в каком-то забытом уголке. До того маленький и жалкий, что разобрать, во рту он у нее или нет, было невозможно. Только звякал колокольчик.

Чем он превосходил остальные ее игрушки, мы не могли вообразить. Ну, разве тот факт, что она сама его нашла; или что он такой маленький и просто напрашивается, чтобы его поносили во рту; или что его прежде любили другие кошки. Как бы то ни было, теперь он стал любимой игрушкой Шебалу. Днем она таскала его, вечером требовала, чтобы мы его кидали, а

она за ним бегала. Из нее вышел бы отличный ретривер, говорил Чарльз. Хоть на охоту с ней иди!

Возможно, возможно. Но только охотничьи собаки, насколько мне известно, не рассовывают подстреленную дичь под мебель. А потом не садятся и не вопят, потому что не помнят, куда ее девали.

А Шебалу только этим и занималась. И не потому что уставала играть с бывшим мотком — этого вообще не случалось. Но когда мне надоедало бросать моток, она некоторое время носила его во рту, а затем, точно яичную скорлупку, подсовывала под кресло, чтобы напиться или поболтать с Сили. Через несколько минут она спохватывалась, и вот тут начинались вопли. Либо она засовывала его так глубоко, что теперь не могла дотянуться, либо — и вот тут поднимался настоящий содом — она успевала забыть, где его оставила.

Мой Моток! — вопила она и, распластавшись на животе, с надеждой заглядывала под кушетку. Он же антикварный! Она не хочет его потерять. И спрашивала у Чарльза, видел ли он ее моток? Трогала его лапой за колена, смотрела на него взволнованными голубыми глазами. Затем еще вопли, и вот уже мы все ищем ее моток — даже Сили вместе со мной внимательно заглядывал под кресла. А когда моток находился, она хватала его, как потерянное и вновь обретенное дитя. Сначала слегка фыркала, показывая ему, как она на него рассердилась, а затем, если я все-таки не соглашалась бросать его, тут же снова засовывала свой драгоценный моток под какую-нибудь мебель.

Как-то раз он пропал на несколько дней, и такой унылый у нее был вид, когда она сидела, ожидая его появления, на середине ковра, что я практически устроила генеральную уборку, все время соображая, куда бы он мог попасть, и безотлагательно начиная поиски.

Однако я думала, что он уже не отыщется. За несколько дней до пропажи она играла с ним, пока я чистила ванну, и бросила его в унитаз. Встала на задние ноги, держа моток во рту, поглядела вниз и нарочно уронила моток туда. Ну, я его выудила, зная, как он ей дорог, и вымыла его. И теперь я была убеждена, что она опять его туда бросила и кто-то спустил воду.

Когда она его отыскала, у нас сидели гости. Шебалу прицеливалась на бутерброды, и Чарльз выставил ее в прихожую. Странно, сказал он, вернувшись. Он посадил ее в кресло, и она не соскочила, не попыталась раньше него проскочить в дверь гостиной. Кажется, ее заинтересовало что-то за подушкой. Остается надеяться, что там не припрятана мышь.

Собственно говоря, Шебалу пока еще не видела ни единой мыши, но при словах Чарльза, что в недрах наших кресел могут покоиться дохлые мыши, выражение на лицах наших гостей (они редко встречались с сиамскими кошками) могло сравниться лишь с тем, что на них выразилось, когда секунду спустя зазвенел колокольчик и я, кидаясь открыть дверь, сказала:

— Она его нашла! Благодарение небу!

Да, нашла. Практически в единственном месте, куда я не заглянула, поскольку еще ни разу не видела, чтобы она забиралась туда с мотком. Теперь она гордо прошествовала через гостиную и положила его на каминный коврик. Чарльз сказал ей, какая она умница, я заверила ее, что моток очень красивый, а Сили подошел и взыскательно понюхал.

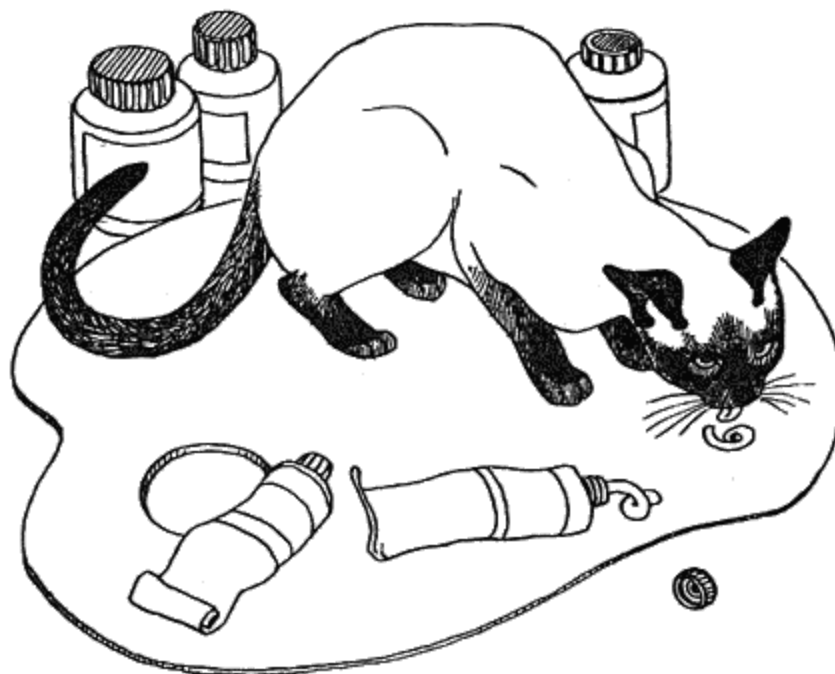
Разлохмаченные шерстяные нитки с колокольчиком. Наши гости изумленно его разглядывали.

— Мне показалось, это по меньшей мере фамильная драгоценность, — сказал кто-то из них после паузы.

— В этом доме так оно и есть, — сказала я, подбирая моток, и для верности заперла его в бюро.



ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ



Мы стали куда осторожнее и выдавали ей моток, только когда были поблизости, чтобы увидеть, куда она его спрячет. Как она ни выла, в ее распоряжение он поступал только в строго определенное время. Например, в девять вечера.

Она быстро выучила расписание. До этого момента она могла заниматься чем угодно — блаженно лежать на спине, греть животик у огня. Помогать Чарльзу с его кистями, мучить Сили... Но чуть начинало бить девять, Шебалу (как прежде Шеба с ее молоком) уже была на бюро, требуя свой моток. Она имеет Право получить его Сейчас же. Согласно ее Сиамской Хартии.

Эта ее хартия имела много статей. Так, Сили не дозволялось храпеть. Едва он допускал подобное, Шебалу — лежал ли он у меня на коленях или под своим пледом — немедленно подходила и сурово тыкала его

лапой. Зрелище было на редкость комичное. Сили смущенно приоткрывает один глаз, и храп обрывается. Сили! Которому ничего не стоило бы расплющить ее ударом лапы. Но он прямо-таки надышаться на нее не мог и демонстрировал это самыми разными способами. Иногда я пыталась втянуть его в игру с мотком. Ведь это была его игрушка, и почему им не пользоваться ею вместе? Но он только слегка прикасался к мотку лапой и глядел на Шебалу, которой второго приглашения не требовалось. И она тут же его забирала. И даже еще более поразительно: несколько раз, когда я его бросала ему на кушетку, он подбирал моток в рот и аккуратно ронял его с края. Где внизу уже поджидала его косоглазая подружка.

Теперь не она ему подражала, а Сили ее копировал. Если она сидела на столе, наблюдая, как Чарльз пишет картину, и Сили сидел там же, не сводя глаз с картины. Если она отпивала из чашки для мытья кистей, что случалось часто, так как от болтовни у нее пересыхало в горле, то и Сили надо было напиться. Однажды, когда она решила напиться из банки с совсем уж ядовитым раствором красок, Чарльз пошел сменить воду, а вернувшись с чистой, увидел, что Сили, не желая отставать, съел все краски с его палитры. Берлинская лазурь, сиена, гуммигут. Сили чувствовал себя великолепно, но у Чарльза разыгралась язва, и он всю ночь не мог уснуть, тревожась из-за всей этой краски в желудке Сили.

Сили даже двигался с одной скоростью с ней. Шебалу не ходила, а бегала и с лестницы слетала как пушинка. А рядом с ней всегда был Сили. Повернув голову к ней, он выбрасывал длинные ноги наподобие лошади-качалки, приспособливаясь к ее походке. Ну, прямо тренер рядом с бегуном. Так легко было представить его в полосатой майке. Но только бегун был маленьким, решительным, с властными голубыми

глазами, и в конце концов ему всегда дозволялось выиграть.

Это было таким мирным временем после горечи потери Соломона и Шебы, словно мы вошли в гавань после бури. Вот что, сказал Чарльз однажды вечером, когда мы сидели у камина — Сили у меня на коленях, Шебалу у него, а Аннабель довольно жует сено у себя в конюшне — все у нас идет так хорошо, что он подумал, не пора ли приступить к перестройке коттеджа.

Собственно, мы планировали это уже давно. Некогда наш коттедж был типичным коттеджем западных краев: маленький, беленый, крытый красной черепицей с двумя комнатами наверху, двумя внизу и сзади — сарай для повозки. Предыдущие владельцы превратили две нижние комнаты в одну, а на месте сарая пристроили кухню и ванную. А мы добавили прихожую, чтобы не входить с улицы прямо в гостиную, а еще теплицу, оранжерею, гараж в конце сада и конюшню для Аннабели по ту сторону дороги. Сверх этого нам особенно много места не надо, сказали мы. Хотя, конечно, неплохо бы обзавестись ванной комнатой наверху, чтобы гостям не надо было проходить через гостиную в халатах. А тогда можно будет старую ванную и коридор присоединить к гостиной, сделать альков для столовой, который тоже будет очень полезен. А уж если мы будем строить ванную наверху над теперешней, так можно построить комнату над кухней... нет, нам нужен кабинет, правда, нужен.

Безусловно! Ведь наша маленькая свободная комната еще не вмещала бумаги, книги, мольберт Чарльза, мою пишущую машинку, паруса для каноэ, рояль (чтобы я могла упражняться в необходимом уединении) и, когда мы проводили вечер не дома, два ящика с землей на всякий случай. Если у нас кто-нибудь гостил, все, кроме рояля (он весил полтонны), надо было перетащить к нам в спальню. А гостям

приходилось держать свои вещи на рояле, отправляться вниз по естественной надобности, и, если мы открывали дверь спальни, когда они проходили мимо, мольберт имел обыкновение опрокидываться наружу и промахиваться по ним самую чуточку. Все они были наши близкие друзья, но порой вид у них делался совсем ошарашенный.

Да и в ванной все было устарелым. Ванна — как колода, из которой поят лошадей, унитаз с бачком сверху и очень длинной цепочкой, которая часто оставалась в руке очередного гостя. Насколько все это отдавало стариной, мы поняли, когда недавно у нас гостил родственник из Саскачевана, навестивший нас впервые. Он вошел в ванную, а затем выскочил из нее, кинулся к своей жене, которая стояла на лужайке, и, весь сияя, сказал взволнованно:

— Нелли! Иди посмотри! У них эта штука, за которую надо дергать!

На Нелли это произвело неопишное впечатление, и она сразу же отправилась посмотреть эту старинную английскую реликвию. В прериях Саскачевана, как выяснилось, бачки располагались прямо на унитазах, а отопление было центральным. Совсем не хижина с высокой поленницей, за которой трубят лось, как романтично рисовало мое воображение.

Все указывало, что надо заняться перестройкой. Мы и так слишком долго ее откладывали, зная, во что на время строительства превратится коттедж, и жалея кошек. Соломон и Шеба старели, и стук, грохот вывели бы их из равновесия. Соломон в особенности был крайне нервным котом и месяцы бродил бы в полном ошеломлении.

А теперь у нас кошки были юными, с железными нервами и здоровьем под стать. А когда я поежилась при мысли о горах мусора, Чарльз предложил мне

лучше подумать о том, как нам будет хорошо, когда коттедж станет настолько просторнее.

И Чарльз занялся планами, которые решил вычертить сам — кошки сидели на столе и следили, как он это делает, а я предалась собственным мыслям. Чарльз сказал, что кое-что возьмет на себя. Малярные работы, сказал он. А возможно, и кое-какие плотницкие. А уж мусор он, безусловно, уберет сам... И тут я внесла свое предложение. Пожалуй, я научусь водить машину.

Чарльз вряд ли перепугался бы больше, если бы я выразила желание научиться летать. Много лет назад он сам давал мне уроки вождения, но особым успехом они не увенчались. Для начала у меня ничего не получалось с задним ходом. Правда, попробовала я только один раз... Когда разворачивалась на шоссе, а тут появилась автоцистерна и нетерпеливо взревела, требуя, чтобы ее пропустили. И Чарльз, смутившись, что мы задерживаем движение, сказал: «Назад! Побыстрее! Давай задним ходом в те ворота!» И смутился еще больше, когда я выполнила его команду. Вот его никто не учил, как давать задний ход, сказал Чарльз, когда автоцистерна ликующе промчалась мимо. У него это получилось автоматически. Всего три урока он взял и начал ездить самостоятельно... И как это я умудрилась опрокинуть этот столб...

Об этих трех уроках Чарльза я наслушалась очень много. Когда он сказал: «Затормози, пропусти овец», — а я выскочила с машиной на обочину. Когда я обогнала другую машину, чего, по его мнению, делать не следовало. Всякий раз, когда я пыталась завести нашу машину на подъеме. Вот у него никогда никаких затруднений не возникало, говорил Чарльз, пока мы неумолимо сползали назад. Нет, он просто не может этого понять. Господи, почему я не включила сцепления!

Именно когда дело дошло до попыток завести машину на подъеме, моим урокам внезапно пришел конец. Мы приближались к перекрестку вверх по склону на абсолютно пустом шоссе. «Остановись, — сказал Чарльз. — Посмотри направо... посмотри налево... еще раз направо... Теперь выезжай на перекресток, только осторожно... не рви сцепления»... Случилось то, что не могло не случиться: мы поползли назад. И с той же неизбежностью, когда я послушалась Чарльза и включила сцепление, нас тряхнуло так, словно нас обвила петля лассо, затем мы продвинулись вперед, подпрыгивая на манер кенгуру, и встали, отвратительно лязгнув.

После чего мотор не стал заводиться. В карбюратор насосало слишком много бензина. Чарльзу-то проще... у него такие длинные ноги... а мои на подъеме еле доставали до педалей. Назад мы катились, вперед — прыгали... И теперь мы уже не были одни на шоссе. Автобусы справа от нас, грузовики слева от нас, а сзади нас целый хвост машин — и всем мешала я.

На нас глядят люди, шепнул Чарльз. (Мягко сказано!) Ну, почему я никак не тронусь с места? (Я еще раз тщетно нажала на стартер.) С ним бы никогда такого не произошло, сказал Чарльз. А он всего-то взял три урока. Куда же я? Это он сказал мне вслед, когда я вылезла из машины. «Брать чертовы уроки!» — ответила я, твердым шагом свернула за поворот и на глазах полсотни любопытных зрителей села и уперлась локтями в колени.

Ничего такого уж необычного в этом нет. Вполне вероятно, что в этот самый момент десятки жен инструкторов-любителей изнывают от злости на обочине, пока их мужья выводят машину из затора. Не так уж давно одна моя приятельница — теперь отличная автомобилистка — рассказала мне, что с ней

произошло, когда она готовилась к сдаче экзамена на вождение.

Она была почти совсем готова, сказала она, хотя, разумеется, ее муж так не считал. И вот они едут, и он говорит: «Когда я скажу «стоп!», сразу тормози». Она решила, что он подразумевает экстренное торможение, которое она как раз отработывала. И когда он сказал «стоп», она сразу выжала педаль, очень довольная своей реакцией. А он, бедняга, просто хотел, чтобы она притормозила у перекрестка, и стукнулся лбом в ветровое стекло.

Он был в ярости, когда пришел в себя, сказала она — без всякого основания, решила она, — вышла из машины и шла пешком до самого дома, а он ехал рядом. Шесть миль, сказала она, то вспоминая и вновь бесясь, то умоляя ее сесть в машину. А она отвечала, что ноги ее не будут в его дурацкой машине, пока она не сдаст экзамена.

Шесть уроков в водительской школе, и она сдала, а ее муж пришел в полный восторг. Вот и он придет, сказала я Чарльзу, когда я смогу отвезти его в случае необходимости... «Какой необходимости?» — подозрительно спросил Чарльз. Ну-у, если у него будет прободение язвы, сказала я... или он сломает ногу или руку, занимаясь перестройкой.

— Большое спасибо! — сказал Чарльз, и по его тону вы решили бы, что я намерена собственноручно столкнуть его с лесов. Беда мужчин в том, что они не хотят смотреть в лицо фактам. А такой момент настал...

Но не будем опережать событий. Он несколько смягчился, когда услышал, что учиться я собираюсь не на нашей машине. Да я даже не прикоснусь к ней еще долго-долго, заверила я его. Он смягчился еще больше, когда, заехав за мной после моего первого урока, узнал, что я доехала на школьной машине, не разбив ее всмятку.

— Вы думаете, у нее получится? — спросил он инструкторшу.

Не замаялась ли она немножко, прежде чем ответить «да»?



ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ



Я выбрала мисс Принс себе в инструкторши по двум причинам. Она слыла первоклассной наставницей в искусстве вождения машины, и наставляла она в нем в трех милях от нашей деревни. Поскольку учиться мне, видимо, предстояло не один месяц, я не хотела, чтобы нашим соседям стало известно, чем я занимаюсь.

Естественно, это не помогло. Да отправься я брать уроки вождения хоть в Тимбукту, кто-нибудь из нашей деревни непременно прилетел бы туда с первым же самолетом. В Бриддаре я умудрилась взять инкогнито только два урока, осторожненько, черепашьим ходом кружа по узким улочкам, в ужасе останавливаясь, когда что-нибудь двигалось навстречу... И на третий раз из какой-то лавки вышел старик Адамс собственной персоной.

Оставалось только уповать, что он меня не заметит. Он всегда нахлобучивал шляпу на глаза как мог ниже, и казалось чудом, что он вообще хоть что-нибудь видел. К тому же он вряд ли ожидал увидеть меня за рулем школьной машины. И ведь я изменила свою внешность: обычно я очков не ношу, но я обзавелась ими, чтобы близорукость не мешала мне за рулем. И я уповала, что широкая черепаховая оправа делает меня неузнаваемой.

Как бы не так! У меня тогда же возникло ощущение, что он как-то слишком подчеркнуто стоял на краю тротуара, внимательно глядя в сторону площади, а потом столь же внимательно посмотрел в другую — на супермаркет, и, казалось, просто не видел машины прямо у себя под носом. Ну и конечно, в тот же вечер он навел нас и с обычной своей тактичностью осведомился у Чарльза:

— Чего это она — машину водить учиться? (Не знаю, но, по-моему, решить, что я учусь летать, было трудно.)

— По-твоему, выйдет у нее что-нибудь? — расслышала я его вопрос, но что ответил Чарльз, не разобрала.

Однако он наш старинный друг, и, когда Чарльз объяснил ему, что и как, и добавил, что люди вечно суют нос в чужие дела, старик Адамс заметил:

— Ага! А старуха Уэллингтон тут первая!

Едва он вообразил, что скрывали мы это именно от нее, и представил себе мгновение торжества, когда мисс Уэллингтон скажет, что подумать только, я научилась водить машину, а он ответит, что знал это с самого начала... Едва все это пронеслось перед его умственным взором, полное сотрудничество старика Адамса нам было обеспечено. Он даже не проговорился мне, что ему известна моя затея. Только напускал на себя многозначительный вид, когда мы встречались, а

если снова видел меня в Бриддаре, еще более упорно смотрел в сторону.

К сожалению, он не был единственным, кто увидел меня там. Я и не знала, что в Бриддаре была лавка, торговавшая особыми рабочими брюками. Из тяжелой кирпично-красной саржи, облюбованные местными щеголями. Теперь их в округе носили все мужчины, а в другом месте их купить было нельзя. Старик Адамс их-то и покупал в тот день, когда я увидела его на тротуаре. А стоило Эрну Биггсу увидеть старика Адамса в его потрясных кирпично-красных брюках, как он молнией помчался в Бриддар обзавестись такими же.

Дальнейшее было неизбежным. Раз я кружила по Бриддару на своей учебной машине, точно особенно упрямый мальчишка на электромобильчике, Эрну нужно было просто приехать туда разок за брюками, и не увидеть меня он не мог. И он увидел. Выходя из той же лавки. И уж он-то не стал притворяться, будто не заметил меня, а встал посреди тротуара, разинув рот. И не оставил эту новость при себе. Много дней она была его козырной картой. Стоило мне пройти мимо, пока он болтал с кем-нибудь у калитки, — и я уже знала, на какую тему перейдет Эрн. Как он прямо-таки обалдел... возможно, и все прочие тоже. «Очки, ну прямо тебе бинокли какие-то», — донеслось до меня как-то раз.

Планы мои сохранить все в секрете рухнули, но я продолжала упражняться в езде, радуясь, что Эрн Биггс больше не таращил на меня глаза. Например, когда я лязгала передачами, или сползала задом по склону, или когда я выскочила на тротуар главной улицы Бриддара.

Держу пари, немного найдется инструкторов, которые командуют во время четвертого урока: «На тротуар! Быстрее!» Я так и сказала мисс Принс, когда мы переводили потом дух в машине. А она сказала, что в курс обучения это, собственно, не входит и мне не следует злоупотреблять... Но, сказала она, когда

фургон разгружается у противоположного тротуара, а из-за фургона, когда вы уже совсем близко, вдруг вылетает грузовик, который уже не успеет затормозить, то выскочить на тротуар — единственный выход, если вы не хотите обменять машину на райскую арфу.

Чарльз чуть не упал, когда я ему рассказала. Такое могло произойти только со мной, объявил он. Мисс Принс сказала то же самое, призналась я. Слава Богу, что Эрна Бигтса не оказалось поблизости.

Вот так я упрямо разъезжала на учебной машине, а Чарльз работал над планами перестройки коттеджа. Начать ее он думал весной, и я надеялась, что успею сдать экзамен к этому сроку. Как раз вовремя, говорила я себе, если он начнет плотничать.

А он повторял, что работать сам он будет обязательно: ведь, с одной стороны, мы часто слышали, как растет стоимость строительных работ, а с другой — о людях, которые все делали своими руками. Побеседовав с кем-то, кто перестроил свой дом единолично, Чарльз уже решил, что и блоки мы будем укладывать сами. В ярких норвежских свитерах. Предположительно, чтобы производить впечатление веселой непринужденности.

Однако пока шел ноябрь. До весны времени было еще много. А тут наступило Рождество с пылающими поленьями в камине и семейными сборищами, так что и строительство, и уроки вождения были забыты.

Праздники прошли достаточно мирно, не считая одного-двух мелких происшествий. Например, Сили отказался есть в Сочельник, и я встревожилась, но потом сообразила, что он просто еще не навеселился, совершая восхождения на дверь ванной и егозя вокруг кресел на спине.

Попозже я в кухне открыла холодильник, и позади меня бесшумно возник Сили. Шебалу в гостиной играет во всякие игры с гостями, а мы здесь пока одни...

намекнул его взгляд. Конечно же я знаю, Чего ему Хочется? Безусловно, котенком Сили рос на курятине и индюшатине. То есть до того, как мы его взяли, и он помнил, помнил! А в холодильнике лежала индейка, напоминая ему о днях детства. Он протянул к ней голову и втянул ноздрями воздух, на случай, если я подумаю, что он имел в виду сосиски.

Разумеется, он получил то, что хотел. И еще несколько дней упоенно ел индейку. А Шебалу индюшатина совсем не прельщала. Опять эта дрянь, говорила она, трясая ногой над миской. Неужели у нас нет крольчатины?

Однако это вовсе не значит, что Рождество оставило ее равнодушной. Едва она просыпалась, глаза у нее становились круглыми, как блюдечки, и она то пыталась добраться до остролиста, то влезала на елку.

Когда бы у нас ни стояла рождественская елка, на ее ветках красовались кошки. И вот теперь еще одна кошечка... Я смотрела на нее и вспоминала.

Кроме того, она объела все цветы с хризантемы — двенадцать солнечно-желтых цветов на ней было, на хризантеме в горшке, подаренной мне приятельницей. Я поставила ее на комод в прихожей, где она смотрелась особенно эффектно, а наутро на ней не осталось ни единого цветка — только кое-где валялись лепестки, напоминая о том, какими солнечно-желтыми они были.

Это Сили, сказала она, когда я притащила ее на место преступления. Если я хочу знать ее мнение, так он немножко свихнулся от индейки. Разумеется, это не был Сили. Полчаса спустя я застучала ее, когда она принялась за листья.

Сиамские кошки в рождественские праздники обязательно что-нибудь вытворяют. То ли из духа соперничества — столько гостей необходимо затмить! То ли атмосфера — общее возбуждение, смех,

раскованность. То ли ослабление надзора — а с сиамами всегда надо держать ухо востро...

Сразу после Рождества я получила письмо от приятельницы, владелицы двух сиамов — Шебы (в честь нашей старушки) и ее названного брата Игоря. Нам в жизни не догадаться, что они учудили в этом году, писала она. И была абсолютно права. Наше воображение оказалось бы бессильным.

Она пригласила гостей и среди прочего испекла безе с кремом. Зная свою парочку, писала она, ей пришла мысль запереть их (кошек) в спальне. Однако, реши она заковать их в цепи и бросить в темницу, ее муж вряд ли возмутился бы сильнее. Ну, им позволили присоединиться к гостям, придав вечеру особый тон, присущий только сиамам. Естественно, она не спускала с них глаз, а они отвечали ей невиннейшими взглядами. Но затем она внесла тяжелый поднос и не смогла закрыть за собой дверь... Несколько минут спустя она заметила, что Шеба исчезла из комнаты.

Она тут же кинулась за ней, опасаясь чего-нибудь ужасного. Но все выглядело нормально. Безе все так же покоилось на блюде на кухонном столике, а Шеба предавалась размышлениям на лестничной площадке. Даже когда некоторое время спустя она взяла блюдо с безе и обнаружила, что крема на них нет, ей почудилось, что виной ее забывчивость. У них был такой нетронутый вид, что ей стало не по себе. Ведь она же украсила их кремом!

Ответ она получила на следующий день, когда из-под хвоста Шебы полило как из крана. Если причина в креме, то все пройдет само собой, сказал ветеринар, когда она ему позвонила. Но если она считает нужным, он приедет и даст страдалице чего-нибудь на всякий случай. Но причиной был крем: в пять часов виновница требовала свой обед и дергала за уши Джеймса,

спаниеля. Но, писала Миа, едва она оправилась от пережитого, как Игорь чуть было ее совсем не доконал.

За неделю до этого они с мужем купили электрокамин с поленьями — для уюта, так как у них центральное отопление. Включали они только поленья, а не спираль, но в поленьях были лампочки, так что они через некоторое время чуть нагревались. Так вот, она пошла позвонить ветеринару, что дело действительно было в креме и все обошлось, вернулась в гостиную, задумавшись о чем-то, и увидела, что Игорь лежит на поленьях, окруженный языками искусственного пламени. Только она на мгновение забыла, что огонь искусственный. Вид, писала она, был такой жуткий, что она чуть в обморок не упала. Словно история из Ветхого Завета, и Игорь в роли жертвенного агнца. И тут этот мерзкий кот открыл глаза и ухмыльнулся ей. Чудное местечко, чтобы понежиться, сказал он.

У хозяек Помадки и Конфетки тоже хватало переживаний. Дора поведала нам о них по телефону, извинившись, что у нее голос такой странный. Но еще чудо, что она не осталась вовсе без голоса...

Оказалось, что накануне вечером у них тоже были гости и кошки получили разрешение присоединиться к ним. (Уж лучше, чем запирать их в спальне, сказала Дора. В последний раз Помадка сорвала карниз. Полистереновый, сказала она... Да, она знала, что кошки способны запустить в него когти, но подумала, что уж на потолке безопасно...) Однако, когда подошло время прощаться, они все-таки отправили кошек в спальни — Конфетку к Ните, а Помадку к ней, чтобы они не вышли за дверь вместе с гостями. Шел уже первый час, и, когда она открыла дверь спальни, оказалось, что Помадка сбежала... через фрамугу — она забыла ее закрыть. Хорошо еще, что шел дождь.

Помадка дождя не любила и, значит, далеко уйти не могла, рассуждала Дора. Достаточно один раз позвать

негромко, чтобы не потревожить соседей, и она примчится, требуя, чтобы ее поскорее вытерли.

Пошел второй час, но Помадка не появилась, хотя Дора звала ее далеко не один раз. Пошел третий час, и они с Нитой метались по улице и звали во весь голос через ограды соседних домов, над канавой, выкопанной для электрического кабеля... Далее по дороге строились новые бунгало, и они с Нитой обошли каждый. Дождь лил как из ведра. Волосы, специально завитые для этого вечера, падали им на лоб точно водоросли. А Помадки нет как нет. Они уже потеряли всякую надежду. Живая, она никогда бы не осталась снаружи в такую погоду.

В три часа они легли, сказала Дора. Нет, не спать, но просто отдохнуть, потому что совсем измучились. В пять они снова были на ногах и обходили улицы с фонариками. Звать она перестала, сказала Дора. Голос у нее совсем сел, да и она не надеялась на ответ. Единственно, о чем она думала, — не проглядеть бы безжизненное тельце где-нибудь в канаве — жертву промчавшейся машины или рыскавшей ночью собаки. Намоченная дождем шерстка...

Она побрела к заброшенной каменоломне, где не было ничего, кроме чахлых кустов да бугристой земли. Вообще-то Помадка никогда так далеко не уходила, но ведь, думала Дора, куда-то же она должна была уйти. И ушла. На пути в каменоломню Дора ее встретила. Ей показалось, что впереди мелькнула какая-то тень, и, когда она прошептала: «Помадка?» — тень отозвалась.

Она была перепугана, сказала Дора. Промокшая насквозь. Где она пропадала все эти часы, они так и не узнали. Правда, сейчас Помадка бодра и хвастает перед Конфеткой, а сама она, кажется, подхватила грипп.

— Нет, я хорошо понимала, как она должна была расстроиться, — сказала я Чарльзу. — Помнишь, как Шеба пропадала всю ночь? Когда старик Адамс думал

раскопать лисью нору, потому что все остальные места мы обыскали?

— А сотни миль, которые мы наверняка пробежали, разыскивая Соломона, — сказал Чарльз. — Помнишь тот раз, когда мы пропустили два лондонских поезда?

Еще бы не помнить! Тогда они пропали вдвоем. Я словно увидела, как мы бегали в тот день по тропам, словно встревоженные муравьи, и я пронзительно кричала «Тиби-тиби-тиби» и «Солли-уолли-уолли», а Чарльз, который больше соблюдает достоинство, прищелкивал языком. И я вспомнила, какое облегчение почувствовала, когда Чарльз полчаса спустя углядел их — сидели рядышком в колючих зарослях. Добраться до них мы не могли, но хотя бы видели их. Что же, подождем минуту-другую, решили мы, и они к нам выйдут.

Через полтора часа мы все еще ждали. С той только разницей, что Чарльз сходил за секатором, чтобы проложить к ним путь, и теперь они сидели рядышком в самом сердце зарослей. Не выйдем, сказал Соломон. Они знают, куда мы Едем. На весь день, сказала Шебу. А их Бросаем.

В конце концов мы сдались.

— Лучше пошлем телеграмму, что не сможем приехать, — сказала я. — Или пусть объявят по радио на Паддингтонском вокзале.

Мы уныло побрели к коттеджу и, оглянувшись, увидели, что они идут следом. Шеба впереди, Соломон чуть сзади... просто ангелочки теперь, когда, по их мнению, добились своего.

Тут они ошиблись. Мы успели на более поздний поезд. Но они не затосковали, оставшись одни. Мы прекрасно знали, что стоит нам закрыть за собой дверь, и они будут гоняться друг за другом по всему коттеджу, прыгая по стульям, столам и креслам. Сколько раз мы возвращались, забыв что-нибудь, и заставляли их в

разгар веселых гонок. И вид у них делался самый смущенный. А мы думали, вы Уехали, говорили их глаза.

Да, помню, сказала я. И если меня кольнула грусть о былом...

— Ну, во всяком случае, из-за этих двух нам волноваться не придется, — сказала я. — Они надолго не убегают.

И в очередной раз я ошиблась. Не прошло и нескольких недель, как нам пришлось сильно поволноваться.



ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ



Дело, конечно, было в том, что наступила весна, а Шебалу начала взрослеть. Она все еще играла мотком с колокольчиком, и Сили все еще — хотя бы по временам — вел себя так, словно был ее дедушкой. Однако она настолько выросла, что уже не могла забираться под кресла, откуда он не давал ей выбраться, делая вид, будто она мышь и удрала туда от него. И раза два они словно бы играли в мальчиков и девочек — вернейший признак ее взросления.

«Словно бы» — наиболее точное определение ситуации. Как Соломон и Шеба до них, они неизменно занимались этим в присутствии зрителей. Как, например, произошло, когда заглянувшие к нам соседи спросили про Шебалу и я сказала, что покличу ее.

— Ду-ду-ду-ду-у! — позвала я, чувствуя себя крайне глупо. Но выпевать рулады с «Шебалу» мне не по

силам, а «Тиби-тиби» слишком уж похоже на «Сили», так что она превращалась в Дуду, когда ее требовалось позвать — вариация «лу», и она всегда отзывалась немедленно, как ретривер на свисток. И теперь вылетела из-за угла — голубой с белым мех, мельтешащие длинные ноги. Как обычно, с ней появился Сили.

— Они замечательные друзья, — сказала я.

И они тут же это подтвердили. Сили внезапно прыгнул сзади на спину Шебалу. Она, взвизгнув, но явно с восторгом припала на живот. Он, удерживая ее за загривок с властностью пещерного кота, выпускал сквозь ее шерсть торжествующие вопли. И вот так, напоказ всему миру, они двинулась к нам по дорожке.

— Вы хотите получить от них котят? — спросили наши соседи и крайне удивились, когда я сказала, что это невозможно.

Но все-таки они пришли, когда их позвали, и пришли вместе. А потом настало утро, когда я вышла позвать их к завтраку и не увидела Шебалу.

— Ду-ду-ду-ду-у! — позвала я маняще, но отозвался только Сили. Он выскочил из-за угла, точно полицейская ищейка, тревожно поглядывая по сторонам. Он ее потерял. Она скрылась, едва он отвернулся, сказал он. Мы ее нашли?

Час спустя, когда у нас ноги подгибались от поисков, она внезапно выскочила из сосняка и помчалась вниз по склону, рассказывая нам, до чего же там было интересно. Да, конечно. Колоннады стволов, ковер из сосновых игл под ногами и такая тишина вокруг. И лисицы, сказали мы ей. Ночью мы слышали их брачную переключку. Но она же была горожанкой. Так что могло ей быть известно про лисиц?

У меня polegчало на душе, когда я увидела, как она упражняется в лазанье по деревьям. Белкой взлетала по одному стволу в сосняке за коттеджем, потом вниз и

вверх по соседнему, а за ней Сили в полном восторге. Правда, он срывался, не вскарабкавшись и на пять футов, но ясно было, что ее никто не изловит. Хотя Чарльз, которому она заменила Шебу, наотрез отказывался поверить в это.

Теперь, когда она открыла для себя лес, Шебалу с утра исчезала там, а Чарльз, едва хватившись ее, начинал волноваться.

— Позови ее, — говорил он. — Она же приходит только на твой голос.

И я послушно дудудукала, чувствуя себя абсолютной дурой.

Во-первых, тут же являлся Сили. То ли он тоже искал Шебалу и хотел быть на месте, когда она явится, то ли думал, что зову я его, поскольку он постоянно прибегал вместе с ней, когда я звала, так что теперь «ду-ду-ду-у» превратилось в сигнал и для него, причем отзывался он на этот крик гораздо охотнее, чем на «Сили».

Но главным было впечатление, которое зов этот производил на прохожих. Ведь «ду-ду-ду-у», хотя я сообразила это далеко не сразу, звучало как подражание охотничьему рожку. И пока я стояла на дороге и кричала, сначала вприпрыжку являлся крупный силпойнт и шумно меня приветствовал; однако (к удивлению зрителей) я не замолкала, и вниз по склону галопом сбегала мохнатая ослица и тоже приветствовала меня через ограду... и в конце концов, если они не уставали ждать, из сосняка стремительно выскакивал длинноногий котенок, невероятно скашивая глаза.

— Это надо же! — услышала я как-то раз. — В жизни такого не видывал.

Хорошо еще, что рядом не оказалось Эрна Биггса, он бы им еще много чего порассказал бы.

Но когда Шебалу прибегала на зов, я понимала, что оно того стоило. А тем временем произошло чрезвычайно интересное событие: Сили стал котом-следопытом.

Еще во времена Соломона и Шебы я порой задавалась вопросом, когда Соломон пропадал в очередной раз: сумела бы Шеба отыскать его для нас, если бы захотела. Было ли ей известно, когда он просто занялся чем-то позади оранжереи, а когда отправился в очередной долгий поход? Но если она и знала, то делать ничего не делала. Мы всегда находили его сами.

Однако Сили... Как-то раз, когда я звала Шебалу, он кубарем скатился с пастбища Аннабели, потерял о мои ноги, тревожно поглядывая на лесную тропу, свернул во двор, взобрался на крышу угольного сарая, подошел к самому краю... и указал! В этом не могло быть никаких сомнений — голова вытянута вперед, глаза сощурены, и он оглядывал склон, будто ретривер. Всмотривался, прислушивался...

— Как бы не так! — сказала я. — Ему не расслышать шорохи котенка где-то в лесу.

Но он расслышал. Установив верное направление, слез с крыши и безмолвно побежал вверх по склону.

Скрылся в лесу, и нате вам! Через несколько секунд вышел оттуда в обществе своей подружки.

Повторялось это столько раз, что никак не могло быть просто совпадением. И вскоре я начала специально брать его с собой, чтобы отыскать ее. Спускала его на землю возле опушки. Он смотрел, слушал и рысцой устремлялся в лес. Как-то мне показалось, что он допустил промашку — он нырнул в кусты слева от меня, а она через несколько секунд появилась мне навстречу на тропе. Однако тут же показался Сили, следовавший за ней как овчарка. Через кусты он пробрался ей в тыл и выгнал на тропу. Но почему, собственно, кошки не могут быть хорошими

следопытами? Или, если на то пошло, и ослицы? Аннабель часто сообщала нам, что кто-то из них прогуливается по ее пастбищу. Опустив голову, протянув уши в их сторону, она следила за ними из-под челки, благодушно оттопыривая нижнюю губу. То есть мы надеялись, что благодушно. Как-то вечером, когда я пошла отвести Аннабель в конюшню, кошки околачивались поблизости. Шел дождь, и, не зная, чем бы заняться, они увязались за нами и твердым шагом вступили в конюшню, где Аннабель уже принялась за кукурузу в своей кормушке. Она подняла морду, посмотрела на них и фыркнула. Не обращая на нее ни малейшего внимания, они поискали взглядом мышей и, быстро обзрев стены, заключили, что мыши конечно же прячутся в ее сене.

А сено лежало у ее задних ног, как предпочитала Аннабель. Чтобы, покончив с первым блюдом, повернуться и продолжать ужинать без паузы.

Они нюхали, кружили, эдакие два инспектора Мегрэ, в поисках улик... явно, чтобы допечь Аннабель — возможно, в радиусе мили не нашлось бы ни единой мыши. И допекли. Аннабель, не глядя, брыкнула сено. Сили, мрр-мррыкнув в знак протеста, вскарабкался на стену от греха подальше. Но где же Шебалу, ужаснулась я. Она бесследно исчезла.

И в самый последний момент, когда Аннабель уже шагнула туда, я заметила, что сено шевелится. Шебалу закопалась в него. Стала невидимкой, как она полагала, и возгордилась. Когда я извлекала ее на свет, Аннабель снова фыркнула. Жаль, жаль, сказала она, еще больше оттопырив нижнюю губу. Кое-каких молодых безобразниц следовало бы проучить. Она уже совсем собралась съесть ее...

И снова — покалечила бы она ее, или они все трое играли? На следующее утро опять лил дождь, и кошки опять отправились повидаться с Аннабель. Чарльз

видел, как они протискивались под дверь ее конюшни. И еще Чарльз услышал, что Аннабель фыркает и топаёт, а потому кинулся их спасать, но тут они появились из-под двери. По утрам она не в духе, верно? — сказали они, беззаботно удаляясь.

Через несколько минут за ними уже гнался Неро, но и это, по-видимому, их не особенно взволновало. Они помчались вниз по склону от деревни, а мы и не заметили, что они отправились туда. Сили перемахнул через столб калитки. Шебалу, прижав уши и, видимо, наслаждаясь, промчалась мимо в лес и тут же очутилась на дереве... До того молниеносно, что мы только рты успели открыть, а посрамленный Неро убежал домой.

Шебалу была такой быстрой, что, решили мы, ей нравится, когда за ней гоняются, и она сама на это напрашивается. Дня через два она удирает от рыжего кота, причем явно он ей ни малейшего страха не внушал. Я полола клумбу, внезапно послышался топоток, и она выбежала на лужайку довольно умеренной рысью, откинув голову, весело подпрыгивая. А за ней — огненно-рыжий кот (таких огненных мне еще видеть не доводилось), и вот в нем ничего умеренного не было. Прямо-таки волк в погоне за Красной Шапочкой... Но тут он заметил меня и переменял направление. Рванул в сторону, как реактивный самолет, перенесся через стену и исчез вверх по дороге.

Шебалу очень расстроилась. Они же хотели поиграть, сказала она. А куда девался кот-охранник Сили, которого мы в последний раз видели с ней в огороде? Когда я направилась в кухню, он вышел из-за коттеджа и тихонько вошел со мной внутрь. Благоразумие явно было лучшей стороной доблести. Ужинать пора? — осведомился он.

После этого рыжий кот, естественно, совсем нас извел. Прогуливался по дороге, мурлыкал любовные романсы в плодовом саду, следил за коттеджем с холма. А Шебалу сидела на подоконнике и высматривала его. Почему, вопрошала она, ей нельзя выйти поиграть? А потому что он, хотя и не наградил бы ее котятами, мог так ее помять, что без абсцесса дело не обошлось бы — так один раз случилось с Шебой. И потому что мы не хотели, чтобы Сили ввязался в драку, как часто бывало с Соломоном. Так что на время мы поместили их под строгий надзор, причем все крайне осложнялось началом перестройки нашего коттеджа.

Планы были одобрены. Чарльз, к величайшему моему облегчению, отказался от мысли сделать все собственными руками. (Перед моим умственным взором маячила ванная комната на втором этаже, год за годом остающаяся без крыши. И тут нам улыбнулась удача: мы умудрились заполучить Генри, который как раз искал работу.

Генри, официально каменщик-субподрядчик, умел буквально все. Штукатурить, плотничать, клеить обои и... даже готовить, как мы узнали позднее. В армии он был поваром в чине сержанта и после войны подумывал стать кондитером, но жиры тогда выдавались по карточкам, и он решил, что надежнее будет вернуться к прежнему ремеслу.

Как бы то ни было, мы его заполучили — он как раз завершил работу у одного подрядчика и был свободен... Только, сказал он, заказывать материалы он не любит, и еще ему понадобится подручный.

Лучше и придумать было трудно! Мы были готовы заказывать материалы. Чарльз жаждал натянуть норвежский свитер и помогать, как только потребует. Генри намеревался приступить к работе немедленно и приступил еще до конца недели.

Работал он с такой быстротой, что просто не верилось. Раз! И уже коттедж в лесах. Два! И черепица по краю снята. Три! Уже идет укладка блоков. Он приходил в восьмом часу утра и до шести вечера даже перерывов почти не делал. А я по телефону заказываю материалы, Чарльз изображает помощника строителей, Генри же из-за своеобразных порядков нашего дома лишился сна.

В этом заключалась главная беда Генри. Он жутко из-за всего тревожился. Привезут ли брусья и доски вовремя... не намочит ли дождь блоки... Точно так же, как в далеком прошлом он испугался трудностей с жирами и занялся строительным делом. А больше всего тревог ему доставляла Аннабель. К ослам у него привычки нет, объяснил он.

Аннабель, учуяв это, терроризировала его как могла. Ее пастбище уходит вверх по склону сразу за коттеджем. Она всегда заглядывала в окна кухни, когда у нее возникало такое желание. А теперь, выбрав место на склоне вровень с крышей прежней ванной всего в нескольких шагах от трудящегося Генри, Аннабель следила за ним из-под челки. Невозмутимо. Неподвижно. Часами.

Ну прямо десятник, сказал он. У него иной раз мурашки по коже бегают. А потом она хоть с места не сходила — он поклясться готов, разрази его Бог! — а лестницу приставную опрокинула! Аннабель сочла это замечательной шуткой. Насмешливо скаля зубы, а губы втянув так, что они смахивали на пару кастаньет, она явно хохотала над ним, пока он поднимал лестницу и снова ее устанавливал. А когда он вечером уходил и поле брани оставалось за ней, она подходила к лесам и сталкивала все, что-было приготовлено к утру.

Тогда он начал привязывать все к лесам. Но тут ночью полил дождь — единственный раз за все время, пока шло строительство. Мы бы его не услышали, но

только стеклянная крыша оранжереи была теперь накрыта листами железа — чтобы ему не провалиться сквозь нее, если он сорвется, объяснил Генри, все предусмотрев.

Мы проснулись, потому что дождь барабанил по железу, точно в рассказе Сомерсета Моэма. А потом...

— Стропила! — закричал Чарльз, молниеносно слетая с кровати.

Стропила для крыши доставили утром, и теперь они лежали под дождем, ничем не укрытые, посреди лужайки. Чарльз, тоже не такой уж оптимист, сразу представил себе, как от сырости они неминуемо покоробятся. Делать нечего, мы поднялись. Включили фонари снаружи. И выскочили на лужайку в плащах поверх пижам, и принялись укрывать стропила брезентом и пленкой в два часа ночи, а ветер хлестал нас дождевыми струями по голым лодыжкам.

Генри, прибыв в семь, начал с того, что всю ночь глаз сомкнуть не мог, все беспокоился, что тут у нас натворит дождь. А, все в порядке, сказала я. Стропила и доски мы укрыли. Дождь так гремел по железным листам, что разбудил нас. Стропила? Да нет, сказал Генри, он не за них тревожился. От одного дождя им никакого вреда не будет. А вот окно для новой ванной! Он его установил на место и подпер. А ночью вспомнил, что подпорки-то он не привязал. Вот и лежал, воображая, как ослица их все выбьет, а ветер опрокинет окно на крышу, и оно ее пробьет.

Генри, вероятно, был телепатом. Аннабель подпорки не вышибла, и окно сквозь крышу не провалилось. Но на следующий же день Генри попросил Чарльза помочь ему уложить перемычку в ванной, а Чарльз вместо этого опрокинул стену, и она пробила крышу.

Тут мне следует объяснить, что старая покатая крыша на задней стороне коттеджа пока еще оставалась на своем месте — Генри снял только

внешний ряд по трем ее сторонам, чтобы сначала закончить надстройку, а когда новая крыша будет установлена, только тогда убрать старую крышу.

Поэтому уровень окна новой ванной находился над старой крышей, как обнаружил Чарльз, когда вскарабкался на леса, держа конец тяжелой бетонной перемычки, а леса, сказал он, прогнулись под ним, точно древко лука. Но худшее было впереди. Чтобы поднять перемычку над окном ванной, Генри уложил на прогибающемся настиле лесов два бетонных блока, а на них тоже прогибающуюся доску.

Генри с его богатым опытом вспорхнул на нее, точно балерина. Чарльз, для которого это было внове, взбирался, как неуклюжий слон. И зашатался. Мужественно удерживая свой конец перемычки, он для равновесия растопырил локти. И одним чуть-чуть коснулся стены. Откуда ему было знать, что она обрушится?

Выяснилось, что цемент еще не схватился. Генри не счел нужным его предупредить. Сколько лет он уже стены строит, сказал Генри, и никто еще ни разу такого не устраивал.

Но ведь Чарльз-то не строитель, сказала я, пытаюсь пролить масло на бушующие воды. Генри, поглядывая на пустое место там, где была его стена, сказал, что этого я могла бы ему и не говорить.



ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ



Затем Чарльз вывихнул лодыжку. Он перетаскивал осколки и обломки в плодовый сад — мостить дорожки, объяснил он. Каждое утро перед завтраком он втаскивал вверх по склону несколько пластиковых мешков такого мусора. Черт, он в отличной форме, сказал он.

Как-то утром я решила, что мне просто померещилось, когда он широким шагом прошел мимо окна, таща очередную порцию мусора, точно Атлас. А пять минут спустя... Не мог же он охрометь, подумала я. Оттого лишь, что высыпал мусор на дорожку?

Оказалось, что мог. У него нога подвернулась, сказал он, а тяжесть мешка его повалила.

— Это надо же! — сказал Генри, глядя на него с благоговейным ужасом.

Вывих оказался серьезным, и Чарльз несколько недель хромал, как Длинный Джон Сильвер. Ну и конечно, именно тогда Сили решил наведаться на крышу.

Стройка заинтересовала кошек с того момента, как были установлены леса. Прогулки по верху возводимых стен. Прыжки в оконные проемы и из них. А Сили как-то вечером вышел из дома и взобрался на леса. Во всяком случае, услышав, как скрипнула доска, я утешила себя этой мыслью, занимаясь его поисками. Сердце у меня бешено заколотилось. Но если пойти за Чарльзом, а Сили действительно там, то он успеет удрать. Я поднялась по пастбищу Аннабели, посветила на стойки, гроыхнула доска, и что-то метнулось в темноту. Да, это был Сили, но теперь он таки улизнул на склон, и как мне его изловить...

С помощью психологии. Многолетний опыт научил меня никогда не гоняться за сиамскими кошками. Надо как-то подманить его, уповая на силу привычки или на любопытство. Не то он уйдет куда-нибудь еще. В данном случае приманкой, естественно, были леса, которые все время его интриговали. Ну а привычка... разумеется, мой призыв «Ду-ду-у», хоть в десять вечера, хоть в любой час. А потому я вскарабкалась на леса, осветила себя фонариком, чтобы он меня увидел и, испытывая обычную неловкость, разразилась руладой «Ду-ду-ду-у!».

Сработало, как и следовало ожидать. Он вернулся точно бумеранг. Но меня эта процедура совсем смутила. Что, если кто-то меня увидел? Что они подумали?

Впрочем, великое приключение Сили на крыше было еще впереди. Когда подошло время разбирать старую крышу. Новая крыша была закончена, проем на верхней площадке лестницы вел в пристроенное помещение, и кошки, сгорая от любопытства, устремлялись туда прямо с утра. Когда приходил Генри, они туда не

допускались из опасения, что он их ненароком замурует.

И, должна сказать, это было вовсе не так маловероятно, как можно подумать. Они забирались там, куда только могли. В полые стены, под половицы... когда ни взглянешь, откуда-то, вихляясь, выползает шерстистый зад. И вот однажды утром, когда уже возводился потолок, Шебалу обнаружила лаз под старую крышу над нашей спальней. Темную заманчивую дыру у верха одной из стен.

Прежде чем мы успели ее остановить, она проскочила в нее и занялась скворцами. Мы услышали, как они всполошились, никак не ожидая атаки с тыла, Чарльз тут же вообразил, что она оказалась в ловушке. Гоняется за птицами среди обломков старой штукатурки, сказал он, а мы не можем до нее добраться. Несколько минут спустя она вылезла сама — без скворца, но вся в паутине. И стоило ей выбраться наружу, как Сили немедленно забрался внутрь.

Нет, он тоже благополучно вылез. Но ждать его было словно ждать появления Тесея из Лабиринта — Тесея без царя в голове, как всегда старательно подражающего Шебалу. Вылез он как ни в чем не бывало, если не считать паутины. А там Захватывающе Интересно, сказал он.

До того захватывающе, что они повадились лазить туда каждое утро, и Чарльз не уставал повторять, что они там обязательно где-нибудь да застрянут. А как мы их вытащим, спрашивал он, с его-то хромой ногой? А как мы можем помешать им залезать туда, спросила я. На это ответа не было.

И вот в одно прекрасное утро Шебалу поймала скворца. Это мы определили по крикам и трепыханию крыльев под крышей. А Чарльз совсем с ума сходил, опасаясь и за скворца, и за свою голубую подружку. Скворцы ведь атакуют кошек с полной

беспощадностью. Я позвала ее. Никогда еще «Ду-ду-ду-у» не выпевалось с такой истовостью. И я услышала ответ... правда, словно бы от Сили... но я была твердо уверена, что он ушел прогуляться. Я звала, мне отвечали, и в конце концов появилась Шебалу со взрослым скворцом во рту.

Его я тут же освободила. Стоя на приставной лестнице, я схватила ее за шкурку, едва она показалась в дыре, подержала — и через секунду она выпустила птицу. Способ безотказный — причем не причиняет боли и не пугает ее. Скворец тут же упорхнул. И он тоже не казался особенно напуганным. Я увидела, как он принялся следить за мной глазами-бусинами с балки у дыры. Но только... сиа́мский голос все отзывался, отзывался... и это не был голос Шебалу, которая вернулась к нам.

Это был Сили.

— Сили! — завопила я в панике.

— Уоууоу-уу! — ответил приглушенный голос откуда-то из-под крыши. Я так хорошо знала эту ноту! Как любые интонации Сили. Мой дружок-силпойнт попал в беду.

— Застрял! — объявил Чарльз, представляя его голову, зажатую в щели.

— Или ранен, — сказала я, рисуя в воображении клюв скворца.

Мы оба ошиблись. После нескольких минут тихого отчаяния, пока Чарльз спрашивал, за что нам такое, а я примеривалась, не удастся ли мне протиснуться в дыру, мы взяли себя в руки и составили план кампании. Я остаюсь тут и продолжаю подавать голос, чтобы поддерживать его дух, а Чарльз перенесет приставную лестницу к фасаду, влезет по ней, разберет черепицу и попробует отыскать его. А если не получится, вызываем пожарных.

План вполне разумный. И возможно, дал бы желанные результаты, но, когда Чарльз, прихрамывая, обошел коттедж, таща лестницу, он обнаружил, что план этот неприменим к обстоятельствам. Сили сидел в желобе и смотрел на него. Попал в безвыходное положение, сообщил он. Почему мы так долго тянули с лестницей? Еще секунды две, и он Свалился бы Вниз.

Под крышу он и не забирался. Видимо, он залез на новую плоскую крышу и прошел на крутой скат старой крыши над фасадом, а мои «ду-ду-ду-у» доносились, казалось, из желоба. Вот он и сидел там, отвечая мне и удивляясь, куда я подевалась. Вероятно, он ждал, что я вылезу из дырки, как скворец. Сили считал меня способной на что угодно.

Одно мы знали твердо: Сили боялся высоты. И выход был только один: Чарльзу придется влезть за ним. И он как раз карабкался по лестнице, когда появился Генри.

— Чего это он? — осведомился Генри, — Решил с парашютом попрыгать?

Я только посмотрела на него.

— А что? — сказал нераскаянный Генри. — Тут всего ждать можно.

Тем не менее стройка продвигалась. Завершилась постройка перегородок, явился водопроводчик, и вот уже новая ванная была оснащена всем необходимым. Кроме двери, конечно. Это была одна из тех работ, которые Чарльз оставил для себя.

А я овладевала вождением. Во всяком случае, по мнению мисс Принс. Совсем скоро я смогу сдать экзамен, говорила она теперь. Хотя, когда я сообщила это Чарльзу, он только возвел глаза к небесам.

Беда была в том, что я привыкла к ее машине. Маленькой, с четырьмя скоростями, с рычагом передач в полу, и, когда Чарльз предложил мне попробовать свои силы на нашей (все равно этого не избежать, такова была его формулировка), все оказалось точно

наоборот. Наша была объемистая, с тремя скоростями, с рычагом на рулевой колонке. Даже сигналы включались наоборот. Вниз у нас значило «вправо», а у нее — «влево». Я дергала то вверх, то вниз, будто играла на органе. Кроме того, у педали сцепления в нашей машине был длинный ход, а у нее оно включалось сразу. А у нас, стоило поторопиться, и машина вскидывала задом, как брыкливая корова. Или, наоборот, я слишком затягивала, и мы никак не сдвигались с места.

И случалось это обязательно на перекрестках.

— Давай же! Быстрее! — понукал меня Чарльз, убедившись, что слева, справа и спереди полная пустота на мили и мили. Я отпускала сцепление, мы выпрыгивали на перекресток, мотор глох, и мне не удавалось его завести.

— В ее машине у меня так не бывает! — стенала я. Тем лучше, отвечал Чарльз, не то от ее кузова остались бы одни вмятины.

Однако главным камнем преткновения оказалась ширина нашей машины. Даже избавившись от привычки глушить мотор, когда что-нибудь двигалось в мою сторону на широком шоссе, все равно узкие дороги я не осиливала. И уж конечно, даже думать не могла о том, чтобы добраться от шоссе до нашего коттеджа. Наша дорога сильно петляет, и на ней имеется парочка очень крутых поворотов... Да и вообще я не хотела, чтобы меня кто-нибудь видел за рулем. Пусть Эрн разблагостил, что я учусь, но жителям нашей деревни было вовсе не обязательно воочию наблюдать за моими успехами.

И вот однажды вечером, когда я практически без накладок выехала из городка... Подпрыгнули всего два раза, сказал Чарльз. Мы еще сделаем из меня настоящего водителя! И он предложил мне вести машину до самого дома. Движения ведь почти никакого не будет, а в темноте меня никто не узнает, и ведь рано

или поздно я должна буду попробовать... Бедный Чарльз! Он ведь старался меня подбодрить. С первым поворотом я справилась — нигде никого. Второй поворот... я увидела появившиеся из-за него лучи фар.

— Притормози! — сказал Чарльз.

Отлично. Я уже притормозила. Вернее сказать, свернула к чьим-то воротам и остановилась, пропуская встречную машину.

— Я же только сказал «притормози», — напомнил Чарльз. — Вовсе не нужно останавливаться.

И я послушно тронулась с места... Вот тогда-то я и врезалась в ограду.

То есть легонечко задела. Это Чарльз сказал, что я ее ободрала, выдернул ручник, выскочил и обежал машину, чтобы самому сесть за руль. На крыло он даже не взглянул. Не решился, сказал он.

Дома я все-таки взглянула. Одна малюсенькая царапинка на бампере. Чарльз согласился, что он без труда ее заполирует, но добавил, что крыло могло в результате выгнуться. И не важно, если этого не случилось, сказал он. Не наезжать на препятствия — вот что главное.

И не в первый раз я усомнилась в возможности конечной победы. И напрасно. Настал день, когда Чарльз признал, что вожу я не так уж плохо. И это как раз кстати, сказал он. Пусть и со знаком, что я начинающий водитель. Как-никак он вывихнул ногу, таская мусор. А строительство почти завершилось, все налаживалось. А к тому же весна обещала быть чудесной — первая весна Шебалу у нас. Я много времени проводила с ней и Сили на склоне, оберегая их от гадюк и вместе с ними наслаждаясь их юностью.

И мы были там в то утро, когда стройке чуть было не пришел конец в буквальном смысле слова. Нижний этаж был практически завершен. Старая ванная убрана, стена снесена, а потолок, пока это происходило,

поддерживали мощные стойки. Они оставались там, пока четыре огромные перемычки были установлены и зацементированы, и еще три дня, чтобы цемент схватился как следует. И в это самое утро стойки были убраны, и Генри улыбнулся! Дом таки устоял, сказал он. А я проверила, все ли печные трубы на месте.

Однако на склон я поднялась не для проверки труб. Чуть раньше Чарльз сообщил, что видел, как Сили гнался за мышкой возле ствола. А потом загнал ее на ствол и схватил и унес вниз. Но тут же упустил, а она опять побежала вверх по стволу, а Сили опять полез за ней...

Ну, в детском стишке мышка взбежала на часы, так почему же ей и не взбежать по древесному стволу? И почему бы Сили, нашему силпойнту с акробатическими наклонностями, не залезть на дерево следом за ней? Но чтобы мышка повторила это? Может, у нее там гнездо?

Вот что я исследовала, когда раздался грохот, словно в коттедже обрушилась лестница. Я бросилась туда с одной стороны, Чарльз с другой, и белые как полотно мы вместе очутились в гостиной. Нет, лестница была цела, а Генри не был расплюснут в лепешку, как мы опасались. Упала одна из потолочных балок.

Все было крайне просто. Балки, чисто декоративные, поддерживались с обоих концов декоративными же скобами. Генри вместе с частью стены убрал и скобу из-под одного конца балки. Балку он подпер, но подпорку убрал вместе со стойками. И, оставшись без поддержки, балка рухнула. Хотя не сразу. Штукатурка удерживала ее на потолке. Но полчаса назад штукатурка поддалась под ее весом, и она с грохотом упала.

Один конец лежал на кресле, другой на полу. Балка оказалась такой тяжелой, что мы вдвоем едва могли ее приподнять. Почему же мы не сказали ему, что она не скреплена с балкой перекрытия? — поинтересовался

Генри. А потому что мы об этом понятия не имели. Чарльз был в диком ужасе. Все эти годы люди сидели в этом кресле, а балка могла сорваться в любую минуту. Ее поддерживали только дурацкие скобы! Придется ему немедленно этим заняться. Он не успокоится, пока все до единой балки не будут надежно скреплены с балками перекрытия.

Не успокоится так не успокоится, сказал Генри, а вот он чуть было не упокоился. Он шпаклевал и нагнулся, а тут эта штука рухнула всего в дюйм-другом от его задницы. Просто уж и не знаешь, что еще тут может приключиться.



ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ



Однако не приключилось ровнехонько ничего. Мы вернулись к тихой безмятежности, которой пожертвовали ради расширения коттеджа. Аннабель пасется на склоне, а мимо только что проскакала Джейн Робарт, все еще с видом королевы Елизаветы Первой, милостиво снисходящей до мужичья.

— Выпустила бы ты своего осла, — посоветовал мне на днях Эрн Биггс — Он бы ее допек.

— Она, — поправила я. — Аннабель. (Эрн по-прежнему все путает.) — Собственно говоря, в прошлом году так уже было.

— А? — сказал Эрн. — Что было-то?

Старик Адамс снисходительно его просветил.

Еще перемена, которую принес этот год. Эти двое начали разговаривать. И каждый старается оставить

последнее слово за собой, как водится у деревенских жителей. И оба они подковыривают мисс Уэллингтон, которая негодует, но извлекает из этого большое удовольствие. Сейчас она трудится у себя в саду в головном уборе, по ее мнению отвечающем времени года.

— А, лето пришло! — всегда говорит старик Адамс— Мамаша Уэллингтон нахлобучила свою соломенную шляпищу.

Эрн Биггс буквально подпрыгнул, когда в первый раз увидел ее коническую тулью, украшенную искусственными цветами.

— Чего она на голову напялила? Улей, что ли? — осведомился он.

Старик Адамс поспешил вывести его из заблуждения.

— Вот и видно, какой ты олух, это ж ее шляпа! — загремел он. — Она ее сорок лет носит, не меньше.

Может, и так. Во всяком случае, раньше, чем мы там поселились, но в деревнях мало что меняется. Перестройку мы свою завершили. Казалось бы, год назад коттедж был другим, но с фасада ничего не заметно.

— С виду каким был, таким и остался, — говорит старик Адамс.

— Траву-то твою все равно надо бы подстричь, — говорит Эрн.

Мои занятия вождением, конечно, внесли ноту новизны, но стоит мне сдать экзамен, все опять вернется на круги своя. Когда учишься, тогда и судачат. Как имеет обыкновение говорить Чарльз — и еще как! На той неделе он гонял машину в мастерскую наладить тормоза. Надеюсь, вина не моя, сказала я. Он ведь не может сослаться на то, что я не объехала ухаб или чуть не задела ограду? Чарльз ухмыльнулся и признал, что да, не может. Но мы не могли знать, что, регулируя

тормоза, механик что-то напутал с проводкой. И теперь стоило включить мотор, как загорались тормозные фонари, стояла машина или ехала. Совершенно незнакомый человек в нескольких милях от деревни остановил нас и сообщил об этом, сообразив, что что-то неладно. Пока мы ехали вниз, он еще мог понять, что фонари горят. Но не могли же мы тормозить, поднимаясь вверх по склону!

А в деревне этого не сообразили. Или сделали вид. Экзамен совсем близко, и я езжу, не скрываясь, прямо по деревне, осваивая дорогу. Ну, и после того, как я на глазах у всех промчалась вверх по склону, сияя тормозными фонарями, Эрн Биггс не замедлил при первом удобном случае полюбопытствовать у Чарльза:

— Как это она делает-то? В жизни такого не видел.

— Их теперь, думается, в школах этих нынче такому обучают, — сказал старик Адамс — С женщинами хотят подстраховаться вдвойне.

Пара прожженных пройдох, как они сами прекрасно знали, но мы бы не хотели, чтобы они изменились хоть на йоту. В радости сельской жизни входят и добродушные сплетни и насмешки. А для нас — еще и парочка сиамских кошек, сидящих рядом на склоне. Маленькая блюпойнт бьет мух, крупный силпойнт с гордостью наблюдает за ней, а поблизости пасется ослица и исподтишка поглядывает на них. И так уже много лет, а ведь очень легко ничего этого могло бы и не быть вовсе. Если бы мы горевали после смерти Соломона и Шебы, что решили бы ничем их не замещать.

Не замещать... Сили до того похож на Соломона, что почти неотличим от него. Иногда я на секунду забываю, что это не Соломон сбегает по склону, прыгает мне на плечо, трется щекой о мою щеку, показывая, как он меня любит. И уж конечно, Сили напомнил мне Соломона, когда недавно вечером я отвела Аннабель в

конюшню. Сили болтался вокруг в ожидании ужина и, видимо, забыл, какое это время суток. Когда я вышла из кухни с ведром воды для Аннабели, он вообразил, что я несу ему завтрак. В конце-то концов, так ведь давно заведено: он ждет у задней двери, я выхожу с его миской, и мы процессией направляемся в оранжерею.

Вот и сейчас мы образовали процессию. Я несу ведро, Сили сопровождает меня, мррр-мррыча и жадно на него поглядывая... и устремляется к оранжерее, а там оглядывается, иду ли я за ним. Ну, вылитый Соломон, сказала я Чарльзу. Вообразить, что его ужин в ведре. Такие балбесы оба! И он и Сили.

Такие милые балбесы. И пусть Шебалу совсем не похожа на Шебу, она тоже удивительно милая. С вытянутой головой и римским носом, а у Шебы мордочка была круглой, нос плоским... но все равно красавица... и такая же часть коттеджа и всего вокруг, как мы сами. Шебалу, и ее моток с колокольчиком, и ее пристрастие к мочалкам для мытья посуды.

Сейчас она направляется в лес, а Сили ее сопровождает. И мы надеемся, что так и будет еще много-много лет.



notes

Примечания

1

В Библии рассказывается, что патриарх Иаков увидел во сне лестницу, по которой поднимались и спускались ангелы (Быт. 28.12). — *Примеч. пер.*